

Министерство образования Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

**ПРОБЛЕМЫ
НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 5

Ярославль 2003

ББК Т 3(0)5+Т 3(0)6
П 78

Проблемы новой и новейшей истории: Сб. науч. тр. Вып. 5
/ Под ред. проф. М.Е. Ерина, проф. Г.Н. Канинской; Яросл. гос. ун-т.
Ярославль, 2003. 81 с.

Сборник статей охватывает различные аспекты новой и новейшей истории Европы и США, Азии и Африки. Посвящен актуальным проблемам и базируется на малоизученных архивных документах.

Сборник может быть полезен преподавателям, научным работникам, студентам, всем интересующимся всеобщей историей.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. М.Е. Ерин (отв. ред.),
д-р ист. наук, проф. Г.Н. Канинская (отв. ред.),
канд. ист. наук, доц. С.Ю. Торопова,
канд. ист. наук, доц. Е.Г. Михайловский,
Е. Миловидова (отв. секретарь).

Рецензенты: кафедра всеобщей истории Ярославского педагогического университета им. К.Д. Ушинского; доктор исторических наук В.С. Павлов

© Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова, 2003

Экологический след в политической культуре современной Франции*

2004 г. ознаменуется для французских экологов двумя важными юбилейными событиями. Во-первых, они будут отмечать 30-летие с момента появления на свет политической экологии как одного из новых мировых общественно-политических течений. Впервые выдвинув своего кандидата Р. Дюмона на президентских выборах 1974 г., экологисты с этого времени участвуют во всех местных, национальных и европейских выборах с разной степенью успеха. Вторая знаменательная дата произошла еще 10 лет спустя, когда 29 января 1984 г. на генеральной ассамблее в Клиши объединилась большая часть разрозненных групп экологов, и на политическом горизонте Франции возникла партия зеленых¹. Оформившись организационно и балансируя некоторое время в качестве автономной политической силы между традиционными французскими левыми и правыми под лозунгом “ни левая, ни правая”², со съезда в Лилле в 1993 г. партия зеленых прочно обосновалась в левом политическом спектре. Ее несомненным успехом стало вхождение в 1997 - 2002 гг. как одной из составляющих в правительство “множественной левой”, возглавлявшееся социалистом Л. Жоспеном.

Вместе с тем тяжелое поражение левых сил на президентских и парламентских выборах мая-июня 2002 г. поставило партию зеленых в сложное положение. Перед ней со всей остротой вновь обозначился вопрос о дальнейших политических перспективах и самоидентификации. Речь шла по сути о том, сохранять ли зеленым в условиях правительственной оппозиции приверженность союзу с социалистами или вернуться к прежней автономии от ФСП. На последнем съезде партии зеленых, проходившем в декабре 2002 г. в Нанте, большинство ее делегатов высказались в поддержку курса на автономию, что позволило некоторым специалистам сравнить партию с “обезумевшей уткой,

* Статья выполнена благодаря финансовой поддержке РГНФ. Проект № ГФ-263.

продолжающей бежать после того, как ей только что отрубили голову”³. Однако новое руководство зеленых не разделяет подобных пессимистических оценок, надеясь, по-видимому, на то, что со временем экологическая политическая культура укрепитя во Франции. Подтверждением этому могут послужить личные впечатления автора настоящей статьи, полученные благодаря возможности поучаствовать 2 - 3 ноября 2002 г. в Париже в работе Межрегионального национального совета (КНИР) партии зеленых, обсуждавшего тексты резолюций для предстоящего декабрьского съезда. Девиз этого форума: “Если зеленый будет цветом XXI века?” – говорит сам за себя. Помимо того, один из нынешних трех депутатов парламента от партии зеленых Ив Коше, выступая перед собравшимися, заявлял о том, что “не исключает такой возможности, при которой новое сплочение левых сил во Франции произойдет под эгидой зеленых”⁴.

Как же следует интерпретировать экологическое движение? Является ли оно относительно слабым и неустойчивым политическим феноменом? Следует ли рассматривать его как объединение недовольных беспартийных граждан, стоящих в оппозиции к существующей политической системе? Или же, напротив, те, кто голосует за зеленых и борется в их рядах, вдохновляются общими ценностями, собственными социальными и политическими проектами, отличаются особым политическим поведением? Существует ли “тип эколога”, как, например, существует типичный представитель левых сил? Наконец, свойственна ли этому “типу” специфическая политическая культура? Не претендуя на однозначный и окончательный ответ на поставленные вопросы, попытаемся сделать некоторые обобщения.

Следует отметить, что в отечественной литературе нет специальных исследований, посвященных французским экологам, а французские авторы оценивают их по-разному. Например, академик Ж-Ф. Ревель, известный представитель третьего поколения знаменитой французской “школы Анналов” нападает с критикой на зеленых, в том числе на, как он его называет, “отца французской экологии и тьермондизма (защитник интересов стран третьего мира. - Г.К.)” Р. Дюмона, и считает, что “во Франции зеленые – это скорее гошисты (леваки. – Г.К.) и маоисты, чем экологи”⁵. Составители фундаментального труда “Политические культуры во Франции”, вышедшего под редакцией авторитетного специалиста в области политической истории С. Берстайна, выделили в качестве главных политических

культур Франции XIX – XX вв. такие, как традиционалистская, республиканская (в двух вариантах – синкретическом и голлистском), социалистическая, коммунистическая, либертаристская, националистическая, либеральная, христианско-демократическая, ни словом не упомянув при этом об экологах⁶. Объясняется это тем, что авторский коллектив, возглавленный С. Берстайном, придерживается мнения о том, что “политические культуры складываются на отрезке истории длительного времени”, и не находит пока в экологах “признаков зрелости”⁷, позволяющих выделить их в специфическую политическую культуру страны. Попытки подвести к каким-то общим оценочным политико-культурным критериям экологов в лице партии зеленых предпринимаются во Франции пока только политологами и социологами. В их числе в первую очередь следует назвать одного из ведущих специалистов Французского центра изучения политической жизни во Франции (СЕВИПОФ) Д. Буа, перу которого принадлежит значительное число аналитических статей об экологах, одна из которых называется “Экология. Новая политическая культура?”⁸. Другой автор - Б. Риу, опираясь на сравнительно-количественный анализ, попытался нащупать “почву” электората и активистов экологических партий в Европе, в том числе и французских зеленых⁹.

Прежде чем перейти к собственным обобщениям по поводу экологического следа на почве французской политической культуры, хотелось бы остановиться на том, что вкладывают французские историки в само понятие “политическая культура”. По мнению видного политического историка Ж-Ф. Сиринелли, ее следует рассматривать как “нечто типа кода и... совокупности взглядов, присущих одной партии или в более широком плане одной политической семье или политической традиции”¹⁰. Заслуживает внимания то, как в первой главе уже упоминавшегося выше фундаментального коллективного труда о политических культурах во Франции его редактор С. Берстайн трактует разницу в подходах к изучению политической культуры между историками и политологами. В основе ее он видит разные методологию и методику. “Понятие политическая культура, - полагает С. Берстайн, - не будет представлять ни малейшего интереса, если считать, что политическая история заключается только в том, чтобы составить событийную хронику, перечень политиков и политических организаций, удовольствоваться умным описанием известных событий прошлого... Историк не должен останавливаться только

на этом и сможет выполнить свою задачу как в политической истории, так и в любой другой сфере исторического познания лишь тогда, когда он сумеет понять и объяснить”¹¹. Упомянув о том, что первыми обратились к изучению политических культур в 60-е гг. американские политологи в рамках сравнительного анализа национальных культур различных стран как проявления чего-то целого, С. Берстайн подчеркивает, что историки расширили поле деятельности политологов, дополнив его изучением внутренних особенностей и разновидностей в каждой отдельно взятой национальной политической культуре. Это позволяет на сегодняшний день говорить о том, что “национальный характер” складывается из наличия в каждой стране нескольких политических культур, “апеллирующих к разным философским и историческим корням, имеющих разное представление о власти, об обществе и его эволюции и зачастую стоящих на антагонистических позициях друг к другу”¹². Что касается вопросов методики, то по этому поводу С. Берстайн отмечает: “Изучая феномены политических симпатий и участия за сравнительно недавнее время, политологи дают интерпретации, подходящие сегодняшнему дню. Историки сталкиваются с объектом исследования, который на большей своей временной части лишен таких современных источников, как опросы общественного мнения, поэтому единственным способом воспроизведения элементов политической культуры периода до опросов остается для них опора на те источники, с которыми они привыкли работать”¹³. Нельзя не согласиться с С. Берстайном по поводу того, что политическая культура “появляется как ответ на фундаментальные проблемы, возникшие в обществе, предлагая свое их разрешение на глобальном уровне” и “эволюционирует под воздействием соседних политических культур, а потом медленно исчезает, когда прекращает отвечать настроениям общества”¹⁴. Именно в этой связи нам представляется возможным наметить некоторые элементы политической культуры французских экологов, по крайней мере, на эмпирическом политологическом уровне.

Если рассматривать электорат экологов, то в нем можно выделить четыре основных характеристики. Во-первых, с точки зрения социодемографической, он состоит из молодежи не ниже среднего уровня образования, лиц, зачастую не связанных со сферой производства, а работающих в области преподавания и медицины. Много среди избирателей зеленых студентов и больше в процентном отноше-

нии женщин, чем мужчин. Эта относительная социальная однородность позволяет заключить, что социальные группы, симпатизирующие экологам, разделяют общественные ценности, свойственные довольно обеспеченным гражданам, родившимся после Второй мировой войны и выросшим в условиях экономического подъема. Согласно данным опросов¹⁵, те, кто считает себя близкими к экологам, причисляют себя к сторонникам “культурного либерализма”, который французские политологи определяют как “систему антиавторитарных ценностей, провозглашающую независимость и расцвет личности в обществе, отстаивающую для всех право на свободу выбора собственного стиля жизни и основанную на признании равноценности и значимости каждого индивида независимо от его вероисповедания, пола и социального положения”¹⁶. Вдумавшись в смысл понятия “культурный либерализм”, нетрудно увидеть, что защищаемые им ценности издавна являлись прерогативой левых сил, причем в последнее время не столько социалистической ориентации, сколько крайне левой или либертариистской, как ее называют авторы цитируемого уже труда о политических культурах во Франции. Поэтому в известной мере электорат зеленых имеет некоторый оттенок анархизма.

Вторая характеристика электората экологов проявляется в его отношении к таким традиционным для выявления водораздела между левыми и правыми вопросам, как взгляд на государство, экономический либерализм, профсоюзы, проблему светскости. Как показывают данные опросов, по всем этим параметрам экологов занимают умеренные по сравнению с левыми и правыми позиции. “Радикально настроенные в культурном плане, - комментирует результаты Д. Буа, - сторонники экологов ощущают себя поистине малочувствительными по отношению к историческим темам борьбы между левыми и правыми”¹⁷. Такую позицию Д. Буа метко называет “центральной”, но не “центристской”. Поясним от себя, что отличие первой от второй заключается в том, что занимать “центральное” место означает именно дистанцированность от перечисленных проблем, но никак не расположение в центре политического спектра.

Третья черта, характеризующая экологический электорат, – это его отстраненность от мира политики в целом. Причем, согласно опросам, значительная его часть не считает, что “политика – это что-то очень сложное для понимания”, а просто не интересуется или мало интересуется политикой¹⁸.

Наконец, четвертым специфическим мотивом симпатий к эколо-гам служит для их электората особо внимательное отношение к во-просам защиты окружающей среды.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что по-литическая культура электората экологов еще не обрела своего релье-ефа. Остается также присоединиться к мнению французских специа-листов о том, что “экологическое движение возникло не как становой хребет новой политической ориентации, а как одна из спасительных ценностей мира, становящегося все менее понятным в плане полити-ческом и социальном”¹⁹.

Не более определенно формулируют свои ценности и те, кто со-стоит в партии зеленых, т.е. активисты политической экологии. Хотя применительно к ним, как справедливо полагает Д. Буа, можно гово-рить о “первых признаках оригинальной политической культуры”²⁰. Одним из таких признаков, например, является предпочтение назы-ваться “движение”, а не “партия”, другим – чувство принадлежности к некоему общему прошлому, “экологической зависимости” с 1974 г. и даже ранее. Для тех, кто стоял у истоков партии зеленых, сложи-лись свои знаковые события, существуют свои кумиры. К числу пер-вых относится май 1968 г. Но майские события рассматриваются эко-логами “скорее как конец определенной эпохи, связанной с опреде-ленным видением мира”²¹. Переходным этапом к зарождению новой системы общечеловеческих ценностей послужила общественная ак-ция 1974 г. на плато Ларзак, где была расположена военная база, ко-торую тогдашнее правительство Ж. Помпиду решило расширить. Противники расширения базы захватили плато, причем освистывали при этом не только правое голлистское правительство, но и прибыв-шего на место событий лидера левых сил социалиста Ф. Миттерана. В результате военная база не только не была расширена, но когда Ф. Миттеран стал президентом страны в 1981 г., он вообще ликвиди-ровал ее и отдал землю крестьянам²². Участвуя в битве против армии на плато Ларзак, экологи защищали не только типичные для майского 68-го г. поколения ценности - “протест против власти и насилия”, равно как и ценности предшествующих маю 68-го широких анти-ядерных выступлений, но и дополнили их таким собственным лозун-гом, как “право жить и трудиться на собственной земле”²³.

Однако, как показывают данные опросов членов партии зеленых, подобные воспоминания о годах прошлой совместной борьбы каса-

ются лишь части ветеранов экологического движения, основная же масса активистов примкнула к партии после 1989 г., и для нее “единственным объединяющим историческим моментом служит участие в выборах”²⁴. Тем не менее, представители как старого, так и нового поколения партии зеленых охотно признают своим кумиром агронома Р. Дюмона, автора книги “Утопия или смерть”, впервые опубликованной в 1973 г., переизданной в момент президентской кампании 1974 г. и представляющей собой “первый набросок программы политического экологизма”²⁵. В пяти главах своей книги Р. Дюмон пытается реконструировать “новый мир”, созвучный в какой-то мере крестьянской морали с присущей ей “строгостью, предусмотрительностью, осторожностью, достоинством и уважением ручного труда”²⁶. Демократия понимается Р. Дюмоном в духе либертариистского самоуправления, поэтому, согласно ему, “люди будут раскрываться в различных сообществах (местных, региональных, национальных и интернациональных). Каждая социальная община (группа) будет следовать своему собственному социализму. Солидаризируясь, люди каждый по-своему будут играть возложенную на них обществом роль. Параллельно такой децентрализации некоторые проблемы должны быть централизованы на мировом уровне, чтобы можно было в глобальном масштабе управлять обществом потребления”²⁷.

Несмотря на то, что с момента возникновения партии зеленых в ней соперничают два основных тактических направления, нацеленных либо на тесный союз с социалистами, либо на курс “ни левая, ни правая”, для ее активистов можно выделить несколько общих характеристик стратегического плана. Одной из них является отрицание “продуктивизма”, под которым зеленые подразумевают “экономическую политику, основанную на постоянной погоне за увеличением прибыли, не заботясь при этом о сокращении рабочего времени, истощении природных ресурсов и социальных последствиях для общества”²⁸. В пику такому “продуктивизму” зеленые ратуют за “стабильный экономический рост, основанный на рациональном распределении рабочего времени и внедрении безопасных для человека технологий”²⁹. Д. Буа справедливо усматривает в подобных рассуждениях связь с представлением о “законченности мира и не безграничности человеческой деятельности на земле”³⁰. В качестве дополнения от себя сошлемся на выдержку из резолюции съезда партии зеленых в Лилле в 1993 г., в которой говорилось: “Сегодня мы знаем, что живем

в хрупком и конечном мире, ресурсы которого ограничены, а демографическая кривая галопирует... Ничего не разрушать, а реставрировать, обновлять и благоустраивать, потесниться, чтобы дать место всем – таково поле нашей деятельности”³¹.

Тема автономии составляет вторую отличительную особенность партии зеленых. В ней в наибольшей степени проявляется их либертаризм, потому что под автономией они понимают не только независимость индивида от государства, экономической системы, но и от крупных частных компаний, равно как и местных органов власти, за усиление компетенции которых, однако, сами же ратуют.

Бок о бок с темой автономии следует тема солидарности в глобальном масштабе, которая предполагает защиту интересов исключенных из общества путем обеспечения их в первую очередь работой, борьбу против расизма и поддержку стран третьего мира, в том числе ликвидацию их задолженности индустриально развитым странам.

Еще одним элементом политической экологии можно назвать приверженность идее ненасилия и борьбы против института армии, напоминающую по своей остроте период пацифистского движения во Франции 60-х гг. и лишний раз подтверждающую ее связь с либертаристской политической культурой.

Наконец, краеугольным камнем, объединившим зеленых, послужил лозунг “делать политику по-другому”, вооружившись которым они добиваются не только фундаментального обновления принципов французской демократии, но и создали своеобразную организационную структуру своей партии, метко названную Д. Буа “культурой демократии базы”³². Так, согласно партийному уставу, в партии установлено коллегиальное руководство и выбираются четыре спикера, предусмотрены ротация кадров, ограничение возможности одновременно занимать несколько руководящих должностей, паритет между мужчинами и женщинами. На слет высшего руководящего органа партии – генеральную ассамблею – направляются не делегации с мест, а приезжает любой, кто пожелает, причем с правом голоса. Зеленые особо гордятся своей деятельностью на местах, символически противопоставляя ее “политике политиканов”. Не имея пока возможности поучаствовать в работе генеральной ассамблеи зеленых, но присутствуя тем не менее на некоторых их собраниях: КНИР, федераций округов Сена-и-Сен-Дени, Парижа – автор данной статьи вполне разделяет мнение Д. Буа о том, что “испытываешь ощущение,

что находишься среди группы единомышленников, наделенных своими ритуалом, коллективной памятью, внутренними сложностями, специфическим юмором”³³.

Таким образом, все вышеизложенное позволяет заключить, что в лице французской партии зеленых складывается некая оригинальная субкультура, которую в более широком плане, очевидно, отчасти следует связывать с такими прочно утвердившимися на французской почве политическими культурами, как республиканская, социалистическая и либертаристская. В то же время нам представляется правомерным утверждать, что политическая экология служит той осевой основой, на которой в настоящее время формируется на мировом уровне движение антиглобалистов.

➤ Примечания

¹ Подробнее о возникновении партии зеленых во Франции см.: Канинская Г.Н. Французские зеленые: в поисках единства (середина 70 - 80-х гг. XX в.) // Проблемы новой и новейшей истории. Вып. 4. Ярославль, 2002. Отметим, что во Франции имеется уже значительная библиография на эту тему и сошлемся на некоторых авторов: Bennahmias J-L., Roche A. Des Verts de toute les couleurs. Histoire et sociologie du mouvement écolo. P., 1992; Jacob J. Histoire de l'écologie politique. P., 1999; Sainteny G. L'introuvable écologisme français? P., 2000; Rioux B. Les partis politiques: organisations et changements. Le test des écologistes. P., 2001 и др.

² Rioux B. Op. cit. P. 162.

³ Le Nouvel Observateur. 2002. № 1989. P. 33.

⁴ Архив автора.

⁵ Revel J-F. L'obsession anti-américaine. Son fonctionnement, ses causes, ses conséquences. P., 2002. P. 95, 268.

⁶ Les cultures politiques en France (s.l.d. S. Berstein). P., 1999; 2-ème ed. 2003.

⁷ Ibid. P. 23, 31.

⁸ Boy D. L'Écologie. Une nouvelle culture politique? // XX-ème siècle. 1994. № 44.

⁹ Rioux B. Op. cit.

¹⁰ Sirinelli J-F. Histoire des droites en France. P., 1992. V. II. P. 3 - 4.

¹¹ Les cultures... P. 11 - 12.

¹² Ibid. P. 23.

¹³ Ibid. P. 31 - 32.

¹⁴ Ibid. P. 25.

¹⁵ Здесь и далее ссылки на данные опросов общественного мнения основаны на анкетах, полученных автором статьи в СЕВИПОФ во время научной стажировки в ноябре 2002 г.

¹⁶ L'électeur français en question. P., 1990. P. 54.

¹⁷ Boy D. Op. cit. P. 46 - 47.

¹⁸ L'électeur français...P. 52.

¹⁹ Boy D., Roche A., Muxel A. L'engagement politique, déclin ou mutation. P., 1995. P. 67.

²⁰ Boy D. L'écologie... P. 48.

²¹ Ibid.

²² События на плато Ларзак французские специалисты считают знаковым и также и для появления зачатков современного антиглобалистского движения, в котором экологические мотивы играют не последнюю роль. Подробнее см. об этом: Le Nouvel Observateur. 2003. № 2022. P. 20 - 22.

²³ Boy D. L'écologie... P.48.

²⁴ Ibid.

²⁵ Jacob J. Op.cit. P. 286.

²⁶ Dumont R. L'Utopie ou la Mort. P., 1973. P. 156.

²⁷ Ibid. P. 131.

²⁸ Из программной афиши партии зеленых "Зеленые и экономика" – архив автора.

²⁹ Там же.

³⁰ Boy D. L'écologie... P. 49.

³¹ Архив автора.

³² Boy D. Op. cit. P. 50.

³³ Ibid.

Франко-прусская война 1870 г. и падение Второй империи во Франции

Франко-прусская война 1870 г. стала заключительным аккордом в истории II Империи во Франции. 60-е гг. XIX в. характеризовались назреванием политического кризиса в стране. Экономический спад 1867-1868 гг. привел к обострению социально-политической обстановки, нарастанию оппозиционных настроений среди значительной части населения Франции и прежде всего буржуазных слоев, недовольных политикой императора Наполеона III. Усиление внутривнутриполитической напряженности совпало с рядом серьезных внешнеполитических неудач. До 1860 г. внешняя политика II Империи осуществлялась под знаком французских побед. Поражения России в Крымской войне и Австрии в итальянской кампании 1859 г. позволили Франции вернуть статус великой державы и стать на время ведущим государством Европы. Однако в 1860-е гг. во внешнеполитической среде начинают нарастать серьезные трудности, подрывавшие международный престиж Франции: неудачи в решении итальянского вопроса, провал мексиканской колониальной авантюры, пассивная позиция французского правительства во время австро-прусской войны 1866 г., способствовавшая укреплению позиций Пруссии на континенте, противоречивая политика Наполеона III во время польского восстания 1863 г. Франция терпела одно поражение за другим вплоть до окончательной катастрофы в 1870 г. Быстрый разгром Австрии Пруссией летом 1866 г. “полностью изменил расстановку сил на европейском континенте, Франция перестала занимать господствующее положение в Европе”¹.

Конец 1860-х гг. характеризовался резким нарастанием франко-прусских противоречий, разрешение которых было возможно только военным путем. К войне стремилось прусское правительство во главе с Бисмарком, усматривавшее во II Империи главное препятствие на пути объединения Германии под гегемонией Пруссии: “Бисмарк работал над завершением объединения Германии... Чтобы его закончить, он считал неизбежной войну с Францией...”².

В свою очередь в победоносной войне правящая бонапартистская клика и, прежде всего, группировка, сформировавшаяся вокруг императрицы Евгении и французского генералитета, видела выход из все углубляющегося политического кризиса и полагала, что война будет способствовать консолидации режима. 19 июля 1870 г. правительство II Империи официально объявило войну Пруссии.

Война началась при очень неблагоприятных для Франции условиях. Правительство II Империи вступило в войну, не имея союзников. Все европейские государства: Россия, Англия, Австрия, Италия, Дания - заняли позицию нейтралитета.

Еще до того как прозвучали первые выстрелы, Бисмарк опубликовал в лондонской газете "Таймс" проект договора, написанный в 1866 г. французским послом Бенедетти, в котором речь шла о возможности захвата Францией Бельгии и Люксембурга при условии ее согласия на присоединение к Северогерманскому союзу южно-германских государств³. Разоблачив таким образом захватнические планы Франции, Бисмарк добился усиления антифранцузских настроений в Европе. Наполеон III реагировал немедленно: 26 июля он направил министру иностранных дел телеграмму: "Вы опровергли проект договора, опубликованный в "Таймс"?"⁴. Несмотря на опровержение, Франция лишилась сочувствия Европы.

Французский план ведения войны состоял в том, чтобы, собрав две армии: одну около Меца в Лотарингии численностью 150 тыс., другую около Страсбурга в Эльзасе численностью 100 тыс., вторгнуться этими силами в южную Германию. Третья армия должна была оставаться на севере около Шалона для защиты северо-восточной границы и Парижа.

Прусский план предусматривал переброску войск южно-германских государств на соединение с прусской армией, концентрировавшейся на Рейне и удар во фланг или тыл французской армии, если она перейдет Рейн.

Наполеон III, объявивший себя главнокомандующим французской армии, не обладал необходимыми для умелого и твердого руководства войсками. Французский генеральный штаб представлял собой отсталое бюрократическое учреждение, не связанное живыми нитями с армией и неспособное учесть ее насущных потребностей. К ведению затяжной, регулярной кампании французская армия не была

подготовлена: прусская армия обладала численным превосходством и более высокими боевыми качествами.

По плану французская армия должна быть готова к походу 20 июля. Прибыв 29 июля в Мец, главную квартиру французской армии, император увидел, что войска, вопреки уверениям, совершенно не готовы к наступлению. Не было сведений о численности полков, о силах противника, о его дислокации, не проводилась рекогносцировка, не было карт, продовольствия. Военное ведомство в Париже постоянно получало донесения такого содержания: “Прибыл в Бельфор, не нашел моей бригады, не нашел дивизионного генерала. Как мне поступить? Не знаю, где мои полки”; “У меня всего 50 человек, чтобы оборонять крепость. Почти все объекты в департаменте без охраны. Это результат приказов, которые мы выполняем. Не имею полномочий, чтобы найти резервы”; “Мы получаем огромные посылки с картами, для настоящего времени совершенно ненужными. Не имеем карты границ Франции”⁵; “Подразделения, которые присоединяются к армии, постоянно приходят без патронов”⁶; “В Меце ощущается дефицит продовольствия. Было бы желательно, чтобы его немедленно доставили сюда”⁷.

В Париже каждый день ждали начала наступления. Но его не было. 1 августа премьер-министр Э. Оливье телеграфировал военному министру Лебефу: “Почему вы ничего не предпринимаете? Решайтесь же, наконец, призываю к вашему патриотизму. Мы удивлены, что вы бездействуете”⁸.

Но наступать в таких условиях было невозможно. 30 июля император отсрочил план вторжения в Германию на неделю, а через день и вовсе отменил его.

Немцы, не дождавшись французского наступления, начали вторжение во Францию. 4 августа они перешли границу. 6 августа произошли первые сражения в Верте, Форбахе и Шпихерне. Во всех трех сражениях французы потерпели поражение. Германская армия готовилась захватить Мец и Страсбург.

В Париж пришла телеграмма из Меца: “Мы проиграли три сражения. Необходимо объявить военное положение и приготовиться к защите столицы”⁹. Парижане до сих пор ничего не знали о положении на фронте. Э. Оливье запретил газетам под угрозой штрафа или тюрьмы публиковать любую информацию, касающуюся военных действий. Поэтому полной неожиданностью стало появление в горо-

де афиш, сообщающих тревожные новости. Читая их, парижане были потрясены. Армия, которая считалась лучшей в мире, терпит поражение за поражением. Немцы во Франции; они уже заняли почти весь Эльзас и всю Лотарингию и угрожают Парижу.

Император был весьма удручен поражениями в Эльзасе и Лотарингии. Видя его физические и моральные страдания, его двоюродный брат, принц Наполеон, и секретарь императора Пьетри высказались за его возвращение в Париж. Пьетри решил написать императрице: “Мадам! Место императора во главе правительства, а не во главе армии. Предлагаю передать верховное командование маршалу Базену”¹⁰.

Э. Оливье также настаивал на возвращении императора. Императрица решительно возражала. Вот как выглядел диалог с премьер-министром:

- Возвращение императора будет выглядеть как дезертирство.
- Вовсе нет, его можно представить как временную меру.
- Император не может вернуться, не одержав победы.
- Мадам, победы не будет, если император останется в армии. Он не может командовать, а это препятствие для победы.
- Покинуть армию после трех поражений - это революция.
- Нет, мадам, - это спасение страны и династии. Напишите императору, что его присутствие в Париже необходимо.
- Я напишу ему, что он должен взять реванш и вернуться победителем.

В это время военный совет в Меце решал вопрос, как лучше обосновать возвращение императора в Париж.

- Сир, Вы можете сказать, что вернулись для формирования новой армии, временно поручив командование рейнской армии маршалу Базену.

Вошел адъютант, доставивший телеграмму императрице. Император прочитал: “Вы подумали о последствиях, которые вызовет ваше возвращение? Не думайте возвращаться, если не хотите, чтобы началась революция”.

- Император быстро спрятал телеграмму в карман.
- Я не могу вернуться в Париж, - произнес император¹¹.

В Париже после первых поражений французской армии резко усилились антиправительственные выступления. 9 августа депутаты законодательного корпуса собрались на чрезвычайное заседание. Всю

ответственность за неудачи французской армии они возложили на правительство Э. Оливье.

При появлении премьер-министра на него обрушилась волна негодования: депутаты требовали отставки кабинета. В своем выступлении Э. Оливье подтвердил плохие новости, но выразил уверенность в победе. Он говорил о героизме армии, о естественных защитных рубежах, неприступных крепостях, огромных ресурсах и всеобщем патриотизме. В заключение премьер просил депутатов поддержать его усилия по обороне страны. Однако депутаты были непримиримы. От имени левой фракции выступил Ж. Фавр, который потребовал вооружения национальной гвардии, отстранения императора от командования армией и управления государством и передачи власти представителям законодательного корпуса¹².

После заседания кабинет Оливье подал в отставку. 10 августа императрица поручила графу Паликао сформировать новое правительство. 12 августа император отказался от командования армией и главнокомандующим был назначен маршал Базен. 14 августа Наполеон III покинул Мец и направился в Шалон, где располагалась резервная армия, которая должна была защищать Париж. Командующим Шалонской армией был назначен маршал Мак-Магон. В приказе о его назначении император написал: “Маршал, я поручаю вам общее командование Шалонской армией и войсками, которые группируются вокруг Парижа и в самой столице. Вам оказана большая честь спасти Францию от германского нашествия... Я хочу быть вашим первым солдатом и победить или умереть вместе с вами”¹³.

Между тем новый главнокомандующий рейнской армией Базен потерпел ряд поражений в Лотарингии и был окружен под Мецем. Маршал Мак-Магон не знал, как поступить: с одной стороны, он не хотел оставить Базена без помощи, а с другой - считал, что надо защитить Париж. Он написал из Шалонского лагеря Базену: “Если вы будете вынуждены, как я полагаю, очень скоро дать сражение, то я не знаю, как, не открывая Парижа, помочь вам. Сообщите мне, что вы об этом думаете”¹⁴. Ответа от Базена не последовало. Принц Наполеон советовал Мак-Магону идти к Парижу. Для императора речь шла тоже о защите столицы. После некоторых колебаний Мак-Магон принял решение повести армию к Парижу. Обращаясь к солдатам, он сказал: “Солдаты, император поручил мне командование войсками, которые вместе с Шалонской армией будут защищать Париж. Я был

бы рад помочь маршалу Базену, но, подумав, я пришел к выводу, что в тех обстоятельствах, в которых мы находимся, это невозможно. За это время маршал Базен успеет самостоятельно преодолеть возникшие трудности, поэтому я решил направить армию к Парижу”¹⁵.

Но планы вскоре изменились. Военный министр написал Мак-Магону: “Нам стало известно, что вы решили направить Шалонскую армию к Парижу. Необходимо отказаться от этого решения, которое выглядит как намерение оставить рейнскую армию без помощи под Мецем”¹⁶.

Мак-Магон собрал в Шалоне военный совет. Император по-прежнему считал, что отказ от прежнего решения открывает немцам дорогу на Париж. Неожиданно пришло сообщение от Базена, в котором сообщалось, что рейнская армия готовится дать сражение под Монмеди. Тотчас же было решено идти ей на помощь. Мак-Магон телеграфировал в военное министерство: “Передайте правительству, что оно может рассчитывать на меня. Я сделаю все, чтобы помочь Базену”¹⁷.

Шалонская армия вместе с императором начала то роковое движение, которое закончилось катастрофой под Седаном и гибелью империи. Впоследствии сам император признал свою ошибку. “Прибыв в Шалон, - говорил он, - я хотел повести в Париж единственную оставшуюся у нас армию, но тут политические осложнения вынудили нас сделать самое неосторожное и наименее удачное в стратегическом отношении действие, которое привело нас к седанскому поражению”¹⁸.

Длительные проволочки с принятием решения, в каком направлении двигаться, личная нерешительность Мак-Магона, вынужденные отклонения его армии от магистральной линии движения в поисках продовольствия и боеприпасов, более высокая оперативность немецких войск и захват ими стратегической инициативы привели к тому, что 31 августа армия Мак-Магона была окружена под Седаном.

1 сентября произошло сражение. Мужество и отвага не могли предотвратить поражения французской армии, оказавшейся перед численно превосходящими силами противника. Весь день император искал смерти. Он действительно едва не погиб, находясь вместе с солдатами под страшным артиллерийским обстрелом. К исходу сражения Наполеон вернулся в штаб. Здесь он продиктовал приказ о прекращении огня по всей линии фронта, а около 3 часов дня по его

распоряжению на центральной башне Седана был поднят белый флаг. Затем он написал прусскому королю Вильгельму: “Дорогой брат, так как я не смог погибнуть вместе с моими солдатами, то мне остается лишь передать свою шпагу Вашему Величеству”¹⁹. Император так оправдал свое решение: “Многие считают, что, погибнув под руинами Седана, мы оказали бы большую услугу стране и династии. Возможно. Но распоряжаться жизнью тысяч солдат и ничего не сделать для их спасения было выше моих сил”²⁰.

2 сентября в замке Бельвю состоялось подписание капитуляции. 83 тыс. взятых в плен французских солдат и офицеров во главе с императором, 3 тыс. убитых, 14 тыс. раненых и 3 тыс. солдат, разоруженных на бельгийской границе, – таков итог седанской катастрофы. После подписания акта о капитуляции состоялась встреча императора с королем Пруссии. По ее завершении Наполеон III написал императрице: “Моя дорогая Евгения, не могу выразить, как я страдал и страдаю. Мы совершили марш, противоречащий здравому смыслу и всем правилам военной науки. Он должен был закончиться катастрофой. Катастрофа полная. Я предпочел бы умереть, чем решиться на капитуляцию, но все-таки в сложившихся условиях она была единственным средством избежать гибели 60 тыс. солдат. Если бы только все мои страдания ограничились этим! Я думаю о тебе, о нашем сыне и нашей несчастной стране. Что с ней будет? Да благословит тебя бог”²¹. На следующий день император покинул Бельвю. Ему предстояло отправиться в замок Вильгельмскеэ в Вестфалии, бывшую резиденцию его дяди, короля Жерома.

В течение 1 и 2 сентября в Париже не получали никаких новостей. Наконец, 3 сентября была получена телеграмма от императора с известием о капитуляции, сдаче Седана, пленении и отречении его от престола в пользу сына. 4 сентября в Париже началась революция. Империя рухнула под тяжестью военных и политических ошибок. Революция покончила с последним в истории Франции монархистским бонапартистским режимом и привела к установлению III буржуазно-демократической Республики, завершив собой сложный и длительный процесс, начало которому было положено в 1789 г. Великой французской революцией.

➤ Примечания

¹ Pradalié Y. Le Second Empire. P., 1992. P. 114.

² Ibid. P. 117 - 118.

³ Les papiers secrets du Second Empire. Bruxelles, 1870. № 2. P. 24 - 25.

⁴ Ibid. № 3. P. 28.

⁵ Начальник 2-го корпуса в военное министерство. 21 июля 1870. Сент-Або // Секретные документы Второй империи. М., 1871. С. 46.

⁶ Начальник Генерального штаба военному министру. 28 июля 1870. Мец // Там же.

⁷ Маршал Базен военному министру. 20 июля 1870. Мец // Там же.

⁸ Цит. по: Aubry O. Le Second Empire. P., 1957. P. 516.

⁹ Ibid. P. 525.

¹⁰ Ibid. P. 522.

¹¹ Цит. по: Papiers secrets et correspondance du Second Empire. P., 1878. P. 33.

¹² Claveau A. Souvenirs politiques et parlementaires d'un temoin. 1865 - 1870. P., 1913. P. 433 - 435.

¹³ Цит. по: Les papiers secrets du Second Empire. № 5. P. 114.

¹⁴ Секретные документы Второй империи. С. 57.

¹⁵ Цит. по: Les papiers secrets du Second Empire. № 5. P. 14 – 15.

¹⁶ Секретные документы Второй империи. С. 55.

¹⁷ Там же. С. 57.

¹⁸ Цит. по: Грегуар Л. История Франции в XIX в.: В 4 т. М., 1893. Т. 4. С. 237.

¹⁹ Тома А. История Второй империи. СПб., 1908. С. 374.

²⁰ Цит. по: Dansette A. Deuxieme Republique et le Second Empire. P., 1942. P. 322.

²¹ Цит. по: Aubry O. Op. cit. P. 459.

Французская пресса в 1944 - 1947 гг. и ее роль в послевоенной жизни

Проблема пропаганды и подачи информации - одна из ключевых проблем в политической жизни любой страны. Тот, кто владеет средствами для пропаганды своих идей, и тот, кто умеет выгодно для себя подать информацию, преуспевает на политической сцене. Поэтому одной из главных задач различных политических сил Франции после Второй мировой войны была задача восстановления старых и создания новых средств массовой информации и использование СМИ в политических целях.

После освобождения французская пресса, несмотря на трудности с бумагой, переживала небывалый подъем. Появилось много новых печатных изданий. На волне симпатий к левым политическим течениям особенно выделялись левые издания. Коммунистические газеты “Юманитэ” и “Се суар” выходили тиражами, соответственно, 450 тыс. и 419 тыс. экземпляров¹, тогда как правые “Фигаро” (382 тыс.) и “Орор” (101 тыс.)² заметно уступали им по популярности.

Пресса в то время была наиболее популярным средством массовой информации: телевидение еще не получило широкого распространения, а радио, хоть и охватывало большую аудиторию, не могло удовлетворить все запросы слушателей с разными политическими взглядами и эстетическими вкусами. К тому же во второй половине 1940-х - 1950-х гг. радио было заполнено музыкой и фельетонами, а телевидение специализировалось на показе фильмов³. Комментировать события было прерогативой газет и журналов. В газетах известнейшие интеллектуалы страны имели гораздо больше возможностей высказаться, чем в радио- или телепередаче. Французская журналистика имела богатые традиции и опыт газетного комментария. Историк А. Леру отмечает, что после войны установилась некая взаимодополняемость средств массовой информации: радио сообщало о событиях, телевидение его показывало, а пресса объясняла⁴.

После Освобождения во Франции появилось очень большое количество новых газет и журналов, возобновляли работу довоенные издания. Они успешно вытеснили те органы информации, которые служили интересам режима Виши.

Рождению новой прессы в значительной мере способствовали министры информации 1944 - 1947 гг. (П.-А. Тетжен, Дефферр, Ж. Сустель, А. Мальро). После освобождения существовавшая во время войны Национальная федерация подпольной прессы сменила название, заменив слово “подпольной” на “французской”, сокращенно - ФНПФ. В июне 1944 г. эта организация провозгласила создание новой прессы - патриотической, честной и свободной⁵. Правда, назвать ее полностью свободной трудно: согласно закону, ни одну новую газету или журнал нельзя было выпускать без согласия министра информации (бывший премьер-министр Э. Эррио назвал это правило практикой всех реакционных режимов⁶). Действительно, подобная практика (а она была отменена только законом от 28 февраля 1947 г.) создавала поле для злоупотреблений, когда министр с помощью своего права дать согласие или нет, мог покровительствовать своим политическим сторонникам. Но, как отмечает историк Ж. Моттан, явных злоупотреблений не было⁷. Существовало общепризнанное правило: каждая группа движения Сопротивления и каждая политическая партия имеют право выпускать свое печатное издание.

Уже к декабрю 1944 г. почти все ежедневные газеты можно было разделить на две категории: политическая пресса, газеты которой являлись печатными органами какой-либо партии, и пресса Сопротивления, газеты которой, соответственно, выпускались той или иной группой Сопротивления⁸. Историки иногда делят послевоенную прессу по-другому: на довоенную прессу, которая либо прекратила выходить во время оккупации, либо печаталась подпольно (“Юмани-те”, “Об”, “Популер”, “Суар”, “Фигаро” и др.), и прессу Сопротивления (“Аксьен”, “Леттр франсе”, “Комба”, “Фран-Тирер”, “Дефанс де ля Франс”, “Фронт насьональ”, “Либерасьон”, “Паризьен либере”, “Франс либр” и т.д.)⁹.

Как видим, в этой классификации нет прессы, легально выходившей во время войны. Ордонанс от 22 июня 1944 г. (так называемый ордонанс Алжер) запретил издание периодики, которая пользовалась покровительством оккупационных властей. Более того, по закону от 11 мая 1946 г. (закон Дефферр, по имени автора) имущество этих газет было конфисковано, вне зависимости от того, был ли владелец осужден за сотрудничество или оправдан¹⁰. В эти годы было сделано все возможное, чтобы обезопасить новые издания от любой угрозы вытеснения их с рынка периодической печати.

В то же время ордонансом от 17 февраля 1945 г. запрещалось использовать старые довоенные названия новыми газетами, дабы поставить все новые послевоенные издания в равные условия, исключить путаницу и не допустить использования престижа довоенных газет тем, кто не имел к ним никакого отношения¹¹.

События 1944 - 1946 гг. (ордонансы и законы о периодической печати, создание новых газет, закрытие вишистских изданий и отмена цензуры военного времени) называют не иначе как “революцией в печати”¹², настолько сильны и глубоки были перемены и их влияние на общество. За сравнительно короткий срок появилось по меньшей мере 68 ежедневных газет, созданных деятелями Сопротивления. Главной особенностью новой прессы историки считают ее явный политический характер¹³.

Свидетель событий тех лет английский журналист А. Верт отмечал, что самыми влиятельными и читаемыми газетами и журналами конца 1940-х гг. были “Монд”, “Эспри”, “Комба”, “Темуаньяж кретьен”, “Экспресс”, “Тан модерн”, и чуть позднее “Обсерватор”¹⁴. Исследователи добавляют к этому списку “Юманите” и “Фигаро”¹⁵. Большинство из них представляют собой левое течение политической мысли. Неудивительно, что эти издания уцелели в разразившемся в 1947 г. кризисе, во время которого исчезло большое количество мелких периодических изданий, не имевших сколько-нибудь солидной финансовой базы.

Большое влияние на ситуацию в периодической печати оказывал Национальный комитет писателей (НКП), образованный осенью 1944 г. НКП подверг ostracism писателей, которые тем или иным способом сотрудничали с оккупантами. В прессе был опубликован список лиц, с которыми НКП не желал иметь никаких профессиональных контактов и грозился порвать отношения с издательствами, печатающими их труды. Так как в НКП входили одни из самых известных писателей того времени (Ж.-П. Сартр, Л. Арагон, Ж. Бенда, А. Камю, М. Лери, П. Элюар, А. Мальро, Р. Мартен дю Гар, Ф. Мориак, Ж. Полан, П. Валери и др.), влияние комитета было огромно.

Именно НКП руководил чисткой в среде интеллигенции, в том числе среди журналистов и издателей. В списки коллаборационистов попал и издательский дом Галлимар во главе с Гастоном Галлимаром. Он не закрыл свой дом во время оккупации, договорившись с фашистским отделом пропаганды, и печатал работы, не всегда отвечавшие

идеям движения Сопротивления. Но в то же время Галлимар издавал и произведения многих членов НКП: А. Камю, Л. Арагона, Эльзы Триоле, А. Мальро, П. Элюара и Ж.-П. Сартра. Последний считал, что осуждение Галлимара скомпрометирует всех писателей, печатавшихся у него, в том числе и участников Сопротивления¹⁶. Совместными усилиями они отстояли это издательство и освободили его от преследований. Возможно, чтобы окончательно быть уверенным в своем благополучном будущем, Галлимар и согласился издавать и финансировать журнал Сартра “Тан модерн”¹⁷.

Идея издавать свой общественно-политический журнал появилась у Сартра и его ближайших друзей, видимо, сразу после Освобождения¹⁸. Это должен был быть журнал, в котором сочетались бы материалы по литературе со статьями о политике. В то время (во второй половине 1940-х - начале 1950-х гг.) наибольшее влияние среди так называемых “толстых” журналов завоевали “Эспри”, “Табль Ронд”, “Нувель НРФ”, “Прев” и некоторые другие¹⁹. “Тан модерн” смог составить им более чем серьезную конкуренцию и занять одну из ведущих позиций. Большинство историков и современников называют именно “Тан модерн”, а также “Эспри” журналами, оказывающими порой решающее влияние на общественное мнение²⁰.

“Толстые” журналы, как правило, выражали точку зрения какой-либо социальной прослойки, являясь своеобразным информационным оружием, отражающим и отстаивающим взгляды, идеологические и политические задачи определенных общественных сил. Публикации на социально-политические темы занимали в таких журналах значительное место, а подбор прозы, поэзии, критики, философских произведений также должен был соответствовать идеологии, политическому духу журнала.

Конкуренция среди печатных изданий была очень высока. По воспоминаниям современников, в 1946 г. был своеобразный издательский бум: в продажу поступало очень много литературы политического содержания (исследования о войне и Сопротивлении, мемуары, биографии известных личностей, размышления о будущей судьбе Франции и т.д.). Читателю со средней зарплатой приходилось делать выбор, так как вряд ли он мог покупать все подряд.

Многие журналисты не работали только на одно издание, а сотрудничали сразу с несколькими газетами и журналами, как правило, одной идеологической и политической направленности. Так, напри-

мер, статьи Жака Лорана Боса, драматурга и писателя, можно было найти в журнале “Тан модерн”, газетах “Комба” и “Фран - Тирер”. Известный журналист Клод Бурде писал одновременно для “Тан модерн” и “Комба”, а с 1950 г. стал издавать собственный еженедельник “Обсерватор” вместе с другим журналистом из “Тан модерн” Роже Стефаном.

Большим ударом для французской прессы стал экономический кризис 1947 г., когда цены взлетели сразу на 20%. В результате кризиса большая часть новых французских изданий разорилась и исчезла. Остались самые популярные и финансово крепкие издания. 1947 г. стал концом очень важного этапа в истории французской послевоенной прессы. Распространение в этот период изданий левого толка, с одной стороны, отражало атмосферу в обществе и отвечало запросам потребителя, с другой стороны, одновременно являлось базой для пропаганды левой идеологии и поддерживало авторитет левых партий.

➤ Примечания

¹ Avril P., Vincent G. *Le IV Republique*. P., 1988. P. 20.

² Ibid. P. 20.

³ Leroux A. *La France des quatre pouvoirs*. P., 1989. P. 82.

⁴ Ibid. P. 82.

⁵ Chebel d'Appollonia A. *Histoire politique des intellectuels en France. 1944 - 1954*. Bruxelles, 1991. T. 1. P. 68.

⁶ Mottin J. *Histoire politique de la presse 1944 - 1949*. P., 1949. P. 39.

⁷ Ibid. P. 39.

⁸ Ibid. P. 36.

⁹ Chebel d'Appollonia A. *Op. cit.* T. 1. P. 66.

¹⁰ Константинова Т.П. *Коммунистическая печать Франции. 1944 - 1947*. М., 1973. С. 9; Mottin J. *Op. cit.* P. 58 - 59.

¹¹ Ibid. P. 54.

¹² Cohen-Solal A. *Sartre*. P.: Gallimard, 1985. P. 336; Соколов В.С. *Французские общественно-литературные журналы периода IV республики (1946 - 1958)*. Критика и публицистика. Л., 1983. С. 25.

¹³ Там же. С. 25.

¹⁴ Верт А. *Франция 1940 - 1955*. М., 1959. С. 205.

¹⁵ Соколов В.С. *Указ. соч.* С. 29.

¹⁶ Chebel d'Appollonia A. *Op. cit.* T. 1. P. 83 - 84.

¹⁷ Cohen-Solal A. *Op. cit.* P. 291.

¹⁸ Beauvoir S. de. *La forse des choses*. P., 1963. P. 24.

¹⁹ Соколов В.С. *Указ. соч.* С. 6.

²⁰ Там же; *Французская литература 1945 - 1990*. М., 1995. С. 29.

Искусство "Африканского зарубежья": реальность и барьеры восприятия

Изобразительное искусство (скульптура, живопись, графика) наряду с музыкой является наиболее космополитичной из всех известных форм общественного сознания. Его восприятие основано на символах, образах, знаках и не требует ни специального овладения техникой, ни знания иностранных языков. Между тем даже на исходе XX века художественная критика рассматривала африканское искусство как альтернативное, о чем свидетельствуют названия выставок: "Другая история", "Иные", "Пришельцы", "Ощущение".

Наибольший восторг у публики вызывали африканские "древности": бронзовые фигурки из королевств Бенин и Ифе (Нигерия), предметы быта (чаши, гребни), а также одежда, ритуальные маски, музыкальные инструменты, гобелены, изделия из камня и слоновой кости. Интерес к современному искусству проявлялся в меньшей степени. Специалисты считали работы африканцев наивными, подражательными. Установка на "инакость" привлекала и отпугивала посетителей музеев и выставочных залов, и только интеллектуалы находили в ней недостающее европейской культуре развитое эмоциональное (чувственное) начало. В его высвобождении из-под гнета разума в эпоху постмодернизма они видели путь к возрождению общечеловеческих ценностей.

Изобразительное искусство Африки базировалось на ощущении. Художники рассматривали окружающий мир как вместилище символов (знаков) и видели свою задачу не в изображении собственно предмета, а в передаче смысла его существования языком формы: линии, цвета. Стремясь интегрировать зрителя (африканца и неафриканца) в атмосферу Африки, они нередко добивались успеха.

Новизна творческого метода художников "африканского зарубежья" заключалась в том, что чувственный и эмоциональный опыт (ощущения) они пропускали сквозь разум (сознание, воображение) и по существу первыми пришли к субъективной трактовке образа Африки. В результате он стал более рафинированным. Сознывая, что

восприятие искусства происходит на индивидуальном уровне и не зависит от этнической и расовой принадлежности, африканцы пытались сделать свои произведения доступными для зрителей, подвергнув их преднамеренной нивелировке. В области формы она нашла выражение в "геометризации" изображения - в использовании размытых контуров и полутонов. Очевидным стал отход от акцентов на экзотику. Благодаря "самоцензуре", художники сумели развернуть африканское искусство от реализма к абстракции, тем самым лишив его характерной агрессии.

Анализ творческого наследия позволяет выявить некий генный субстрат (стержень преемственности традиций). Он включает несколько составляющих и является общим для всех художников, независимо от этноса и расы. На визуальном уровне - это, прежде всего, произведения П. Гогена, В. Ван Гога, Э. Делакруа, П. Пикассо, Микеланджело, О. Родена, Г. Мура, Я. Эпштейна. Именно их африканцы наиболее часто называют своими учителями. На вербальном уровне - это легенды и мифы народов мира. В них художники искали объяснения собственным действиям и поступкам (их занимали проблемы жизни и смерти, механизмы перевоплощения). Они "очеловечивали" богов, духов, героев, придавая им черты конкретных людей. В русле мифологического сознания развивалась трактовка тем Рождества и Воскресения, Апокалипсиса, мессианства, жертвенности,рая и ада. Африканцы читали Ветхий и Новый Заветы, Аристотеля, Платона, В. Гете, Ж.-Ж. Руссо, К. Маркса, З. Фрейда, Ф. Ницше, Л. Сенгора, К. Нкруму, Ф. Фанона, В. Шойинку, проявляли интерес к музыке В. Моцарта, П.И. Чайковского, Р. Вагнера, С. Прокофьева.

Искусство "африканского зарубежья" развивалось во взаимосвязи с мировой культурой и в большей степени, чем искусство Африки, питалось ее достижениями. Благодаря воздействию западных традиций оно стало более востребованным, хотя сохранило свою аутентичность.

Его, безусловно, можно считать органической частью искусства Африки. Их общей чертой является синкретизм. Изначально он базировался на чувственном опыте и отличался простотой и естественностью. Поэзия, музыка, изобразительное искусство, танец переплетались, создавая особую форму ритуального действия, подобную маскараду, самому африканскому из всех видов театрализованных

представлений, наиболее близкому традициям скульптуры и живописи (в основе подобного действия традиционно лежит экспромт).

Природа синкретизма искусства "африканского зарубежья" является гораздо более сложной. Его отличительной чертой стала некая нарочитая карнавальность, интрига - игра, в ходе которой художник (в силу возможностей и таланта) пытался воздействовать на аудиторию, используя все органы чувств: зрение, слух, осязание, обоняние, вкус - и мышление. Восприятие произведения происходило, по крайней мере, на двух уровнях: эмоциональном и интеллектуальном - и представляло собой разновидность прямого (интерактивного) общения автора со зрителем. Художники рассматривали свои произведения как "послания", обращенные к человечеству, прежде всего, к интеллектуалам и вели себя как проповедники, опираясь на опыт и интуицию. Последователи "ученого" искусства рассматривали природу как экспериментальную лабораторию, человека - как участника эксперимента, художника - как создателя, творца. Многие ощущали себя наставниками, мессиями (они пытались доказать всему миру, что африканцы - такие же люди, как другие, а африканская культура является неотъемлемой частью мировой). Чтобы сделать произведения как можно более "аутентичными" и оригинальными, одни сознательно эпатировали публику, нагнетая на нее страх, как, например, О. Огуйбе, или используя зловонные материалы (слоновий навоз) в качестве "грунтовки", как К. Олифи. Другие, напротив, создавали свои произведения в русле классических (европейских) традиций.

Синестезия, весьма распространенная форма комплексного воздействия на зрителя, присущая художникам "африканского зарубежья" (и символистам), привела к появлению так называемых синестетических произведений. Смысл их создания заключался в эксперименте, направленном на обретение гармонии цвета, формы и содержания. Некоторые из них вызывали шок. Фоном для показа картин служили музыкальные композиции Ф.А. Кути, группы "Осибиса" или чтение произведений, близких авторам эмоционально. Музыкальные, поэтические и художественные образы создавали особое настроение и взаимно дополняли друг друга. О. Огуйбе, например, нередко снабжал свои графические работы сопроводительным текстом - стихотворными комментариями, а стихи - пояснительными рисунками. Они были понятны немногим. Художники, обращаясь к "посвященным" - "избранным", формировали вокруг себя утонченную атмосфе-

ру эстетства (любования и музицирования), но только немногие могли разглядеть за характерной "карнавальностью" - динамикой их произведений - "сквознячки" горечи, отчаянья, одиночества и скорби.

Тематика произведений художников "африканского зарубежья" отличается разнообразием. Творчество базировалось на личном опыте, субъективном и универсальном: на воспоминаниях, впечатлениях, ощущениях. Внутренний мир человека занимал их больше, чем внешний, Африка - больше, чем Европа или Америка. Африка присутствовала на "периферии" сознания художников, где бы они ни жили: в Лондоне (У. Эгону), Париже (И. Ндиайя), Нью-Йорке (О. Огуйбе) или Мадриде (Р. Диаб). Она воспринималась ими сквозь призму времени и воплощалась в образы, схожие с теми, что рисовали в своих произведениях ученые и писатели: Ч. Ачебе, В. Шойинка, Б. Окри, К.Э. Аппиа, А. Мазруи, В.Й. Мудимбе. Преимущественно это были "сны", "грезы" об Африке.

Образы детства, не однозначные, не статичные: ароматы и ритмы Африки - стали источником вдохновения для художников разных поколений. Эйдетизм (разновидность образной памяти), воплотившийся в сохранении ярких и четких представлений о привычных, хотя и давно утраченных предметах и лицах, помогал воссоздать картины беревившего душу прошлого. В центре внимания У. Эгону, признанного мэтра среди художников "африканского зарубежья", находился мир обыденных и ритуальных вещей - утраченные навсегда образы детства - то, что нельзя было увести с собой в Великобританию. "Дары тропического сада" (1968), "Кошка и ее котята" (1965), "Леопард" (1966), "Смерть слона" (1968), "Жующий мальчик" (1963), "Портрет нигерийской девушки" (1962), "Африканские маски" (1963), "Маска и музыкальные инструменты" (1963) - вот неполный перечень произведений, созданных им в первой половине 60-х годов.

Гражданская война в Нигерии (1966 - 1970) вызвала у Эгону чувство единения с народом игбо. Художник принимал участие в сборе средств в фонд защиты беженцев, проводил благотворительные выставки - это была его "миссия" по спасению собственного народа. Он написал цикл "Война и мир" (1969) и еще целый ряд работ: "Схватка" (1966), "Тридцать тысяч" (1967), "Солдат, отдыхающий после боя" (1966), "Дом разбомбили" (1968), "Нет места слабости" (1968). Его картины "Исход" (1970) и "Второе пришествие после исхода" (1974) также затрагивали величайшую трагедию игбо. Однако, по мнению

У. Эгону, геноцид и холокост являлись частью истории многих государств. Сам художник трактовал Исход в соответствии с библейским мифом - как глобальную проблему бытия. Он жил на рубеже культур, и конфликт с окружающим миром, одиночество, ностальгия по утраченному дому стали главными темами его произведений.

Существование на грани культур повлекло за собой и безусловный интерес к этой теме. У. Эгону занимала проблема их взаимодействия. Он восхищался достижениями европейской цивилизации. Африканская культура, по его мнению, давала возможность обретения в душе гармонии путем единения с природой. Его раздумья привели к появлению цикла "Могут ли знания гарантировать свободу?" (1985). Однако он так и не нашел однозначного ответа на поставленный вопрос. Художник отдавал предпочтение возрождению духовности, религиозной морали и нравственности, стремясь использовать свой талант на благо людей, призывая их следовать по пути создания универсальной культуры, основанной на общечеловеческих ценностях.

На закате жизни он написал картину "Универсальность" (1993). Она стала завершением его размышлений о смысле человеческого существования. Художник заставил зрителей взглянуть на мир как бы через увеличительное стекло. К этому времени он практически полностью потерял зрение, его мучила болезнь сердца. Ощущение хрупкости, непрочности существования не покидало его. Пространство картины многомерно. Оно вместило достижения духовной культуры и научно-технического прогресса (морские и воздушные лайнеры, системы мобильной телефонной связи). Мир книжной учености представлен параллельно с миром труда и высоких технологий: по мнению художника, они находятся в неразрывной связи друг с другом. Однако центром композиции являются люди, сумевшие покорить пространство и время.

Художники культивировали образ жизни одинокого гения, абстрагировавшегося от эпохи и общества. Атмосфера учености, по их мнению, стимулировала дух творчества. Будучи повсюду (в Европе, Америке, Африке) "чужими среди своих", в окружении коллег, профессионалов, интеллектуалов они редко ощущали свою "инакость". Многие комплексы (например, комплекс неполноценности) и проблемы (дискриминация, сегрегация) отступали на второй план.

У. Эгону любил тишину библиотек. Он создал ряд блестящих циклов произведений, обращенных к университетской аудитории

("Поэты и философы", "Прошное и настоящее диаспоры" и "Люди без Отечества"). В центре его внимания был человек, творческая личность: "Философ в берете" (1981), "Поэтесса" (1981), "Художник за работой" (1978, 1979), "Студия художника" (1969), "Читающие люди" (1981), "Библиотека осенью" (1983), "Чтение" (1980), "Поэтесса" (1980), "Читающий поэт" (1981), "Читающая поэтесса" (1980). И. Ндиайа, которого можно считать знатоком и почитателем джазовой музыки, создал не менее замечательный цикл, посвященный джазу: "Биг-бэнд" (1984-1986), "Блюз на Манхеттане" (1984), "Саксофон и тромбон" (1986), "Тромбонист" (1986), "Дуэт" (1986), "Трио" (1986), "Во славу Бесси Смит" (1986) и др. Представители среднего (О. Удечукву) и младшего поколений (Р. Диаб, О. Огуйбе) искусства "африканского зарубежья" в своих произведениях тоже многократно обращались к проблемам творческой деятельности. Их привлекала ее динамика, эксклюзивность достижений выдающейся личности: ученого, писателя, художника, музыканта. Свидетельством тому являются работы О. Удечукву "Портрет философа" (1989), "Художник", "Разные головы, разные мысли" (1998), О. Огуйбе "Поэт" (1990) и др.

В поисках идентичности художники "африканского зарубежья" пробовали себя в различных жанрах. Сферы их деятельности были различны. И. Ндиайа долгие годы возглавлял иконографический отдел Музея человека (Париж) и сочетал занятия архитектурой, скульптурой, живописью, графикой, историей музейного дела. О. Огуйбе совмещал литературную, публицистическую и художественную деятельность. Он занимался поэзией, музыкой, живописью и, как и О. Удечукву, преподавал в университетах Европы и Америки. Всем им импонировала роль экспертов - "знатоков" искусства Африки. Возможно, благодаря этому, искусство "африканского зарубежья" на протяжении XX – XXI веков продолжало и продолжает нести на себе печать интеллектуальной обособленности. Многие африканцы считали его стерильным. Обвинения (со стороны художественной критики) в отсутствии патриотизма, в космополитизме, в "потере лица" отнюдь не умаляют аутентичности произведений художников "африканского зарубежья". Работая (в большинстве своем) в русле "ностальгического реализма", они ориентировались на универсального зрителя: на африканцев и не африканцев.

Африка в их творчестве предстает как "ад", "болото войны", "зверинец", "зона" - как олицетворение зла и насилия. Атмосфера Апока-

липсиса, характерная для восприятия африканских реалий в последней трети XX века, определила фон многих произведений. Ощущение страха присутствует в ряде работ, принадлежащих перу О. Удечукву, в их числе "Безутешный плач" (1969), "Скорбные лица на перепутье" (1967) и др. Однако оно особенно сильно в произведениях О. Огуйбе, созданных в 90-х годах ("Заключенный № 277101", "Заключенный в кандалах", "Повешенный", "Без названия"). Мир видится ему в черно-белом цвете. Он ощущает себя повешенным (петля - один из наиболее часто используемых, знаковых образов в его творчестве), истекающим кровью, пронзенным болью, птицей в клетке и испытывает "вечный" страх перед прошлым, настоящим и будущим.

О. Огуйбе был далек от распространенного в среде обывателей мнения о том, что эмиграцию следует рассматривать как благо. Такого рода отношение характерно для стран, где господство военных и диктаторских режимов длилось десятилетиями и приводило к трансформации представлений о контактах, сотрудничестве и взаимодействии людей, принадлежащих к разным этносам, конфессиям, культурам. Всех, кто вынужденно или добровольно покидал Отечество, отождествляли с диссидентами, подвергали травле. Подобно писателям В. Шойинке и Б. Окри, художники превыше всего ставили свободу и, прежде всего, свободу творчества и были далеки от того, чтобы отождествлять Африку с раем. Однако жизнь на чужбине тоже мало напоминала Эдем. Изгнание (спасение и страдание) могло обернуться комедией, трагедией и почти всегда драмой для каждого конкретного человека и его семьи. Поэтому проблемы Исхода и Изгнания наряду с африканской тематикой широко представлены в искусстве "африканского зарубежья", о чем свидетельствуют названия произведений О. Удечукву: "Пустыня" (1968), "В Изгнании" (1981), "Изгнанники (лицом к неизведанному)" (1973), Р. Диаба: "Друзья из Прошлого" (1983), "Воспоминания перелетной птицы" (1989), "Дневник иммигранта" (1996) и др.

Идеократическое по сути, призванное выражать идею, искусство "африканского зарубежья" не могло иметь массовой аудитории. В Африке (в силу концептуализма и характерной интровертированности) оно (в широком смысле слова) так и осталось невостребованным. Его воздействие на духовную жизнь континента было несравнимо меньше, чем влияние литературы или науки. Поэтому оно не может рассматриваться как стилеобразующее. На личностном уровне его влия-

ние в той или иной мере испытали на себе африканские художники. В их числе Ф.А. Далтас (Уганда), Э. Эйкфри (Нигерия), Р. Хозуме (Бенин), А. М'Мбенге (Сенегал) и др. Воздействие проявилось в иррациональной направленности сюжетов, в увлечении мифами, в том, что для тем аллегорического, психологического, эзотерического, мистического и эротического характера они избрали синестетический способ выражения (на грани экспрессионизма, футуризма и сюрреализма).

В Африке искусство "африканского зарубежья" воспринималось иначе, чем в Европе или Америке. Оно было менее назидательным, более рафинированным, рациональным и по сравнению с собственно африканским считалось нарочито сложным. Африканская критика, подобно европейской, рассматривала его как недостаточно африканское.

Мэтры "африканского зарубежья" намеренно не демонстрировали в Африке произведений. Виной тому было предвзятое отношение со стороны критики. Художники не хотели быть неадекватно оцененными.

Африка, как и Европа, была для художников "африканского зарубежья" "территорией трудностей". Любой художник, концептуалист в глазах общественности и критики навсегда оставался "европоцентристом" или "белым". Западная критика при оценке полотен нередко шла на поводу у африканских экспертов.

Свидетельством тому служит "африканский сезон" 1995 года. Он стал одним из крупнейших событий культурной жизни Великобритании последнего десятилетия XX века. "Сезон" открылся презентацией выставки "Африка: искусство континента" в зале Королевской академии искусств. Ее посетили более полумиллиона зрителей. В экспозиции было представлено около 800 экспонатов из 180 стран мира. Программа "африканского сезона" предусматривала проведение художественных и книжных выставок, ярмарок, конференций, "круглых столов", концертов, театральных фестивалей, фильмов. Демонстрация достижений в области изобразительного искусства проводилась в течение трех месяцев.

Однако европейская и американская критика (в ущерб профессионализму) сделала ставку на наивность и примитивизм. Собственно африканская критика, менее свободная в волеизъявлении, продвигала (с санкции властей и цензуры) наиболее социально ориентированные

работы. Африканцы, живущие за пределами Африки, вообще не были допущены к конкурсу. По мнению О. Огуйбе, единственного представителя "африканского зарубежья", принявшего участие в "африканском сезоне" в качестве куратора нигерийского павильона, немного из отобранного экспертами и выставленного в галереях могло именоваться искусством. На выставках были представлены "примитивисты" - мало кому известные имена.

В последней трети XX века искусство Африки оказалось представлено во всех крупных музеях мира. Оно вошло в моду. В настоящее время в Париже, Нью-Йорке, Вашингтоне, Сан-Франциско и других городах имеются музеи африканского искусства. В Мюнхене, Гамбурге, Гейдельберге и других городах усилиями меценатов открылись специализированные галереи. Выставки проводились в музыкальных салонах и университетских гостиных, в фойе театров, музеев, библиотек. Большую помощь африканцам в организации выставок и фестивалей оказывали ученые, искусствоведы, музейные работники, просветительские учреждения, благотворительные фонды, и только господство субъективизма в среде художественной критики и экспертов продолжает отпугивать африканцев от участия в крупных коммерческих проектах. Художники, как уже отмечалось, в большинстве своем делали ставку на интеллектуалов, довольствуясь узким кругом почитателей. Прежде всего, это касается тех, кто придерживался академических традиций.

Наряду с мнением критики судьбу художника всегда определяли интересы потребителя. Политическая элита, "новые африканцы": банкиры, предприниматели, владельцы крупных магазинов, ресторанов, гостиниц - заказывали портреты у знаменитостей. Любители современного африканского искусства имелись среди европейских и американских дипломатов, африканистов, архитекторов, дизайнеров, искусствоведов, бизнесменов. Их число невелико. Коллекциями африканского искусства владеют мультимиллионер Д. Рокфеллер, футболист Д. Фашану, бывший президент Нигерии Ибрагим Бабангида, ученые (К.Э. Аппиа, П. Мазруи, Ф. Эмигвали), писатели (Ч. Ачебе, В. Шойинка, Б. Окри), литературные и художественные критики (О. Огуйбе, Чинвейзу) и другие.

В последней трети XX века художники "африканского зарубежья" обрели международное признание иставляли произведения в самых престижных залах Европы, Америки, Азии. Не поддаваясь

влияниям, следуя собственному видению мира, они доказали, что африканская живопись, несмотря на присущий ей синкретизм и эклектику, может быть сложной и многогранной, что процесс интеллектуализации и универсализма затронул искусство диаспоры. Они нашли себя в рекламном бизнесе: в искусстве плаката и фотографии, в мире высокой моды, в ювелирном деле. Им удалось обрести собственную зрительскую аудиторию, способную понять и оценить уникальный характер их творчества.

Британские либералы в первой половине 1890-х гг.: деятельность правительств В. Гладстона и А. Розбери

Четвертое правительство В. Гладстона, а также единственный кабинет А. Розбери в целом были лишь небольшими эпизодами в длительном периоде консервативного правления, продолжавшегося с раскола либеральной партии в 1886 г. до ее триумфальной победы на выборах 1905 г. Последний кабинет Гладстона был наименее удачным из всех как в плане невысокой результативности деятельности, во многом связанной с сохранением консервативного большинства в палате лордов, зависимостью от поддержки различных фракций в нижней палате, так и по причине постоянных противоречий в либеральном руководстве. Эра Гладстона близилась к концу и деятельность этого кабинета наглядно демонстрировала тот ошибочный курс на гомруль, т.е. ирландскую автономию, который был взят лидером либералов в 1880-е гг.

По результатам выборов 1892 г. либералы, завоевавшие 48% голосов избирателей, смогли сформировать правительство только при поддержке гомрулеров. В итоге их фракции из 272 парламентариев противостояли консерваторы, насчитывавшие 268 депутатов.

В годы существования последнего кабинета Гладстона (1892 - 1894) среди либералов усилились разногласия по вопросам внешней (проблема Уганды и Египта) и внутренней (гомруль и увеличение расходов на ВМФ) политики. Еще до официального вступления в должность премьер-министра Гладстон набросал приблизительный план работы парламента в 1893 г. В нем была представлена обширная программа законодательной деятельности либералов, в которой фигурировали билли о правительстве в Ирландии, советах графств, об отмене множественного голосования; о 8-часовом рабочем дне для шахтеров по инициативе местной власти; законопроекты об ответственности работодателей, о церкви в Уэльсе, о потерпевших убытки арендаторах, а также исполнительные акты, касающиеся деятельно-

сти Земельной комиссии в Уэльсе, комиссии закона о бедных в Англии, оплаты труда рабочим, реформы администрации в Ирландии¹.

Проблема автономии для Ирландии сразу же поставила правительство в сложное положение. Как показали результаты только что прошедших выборов 1892 г., она не пользовалась популярностью среди избирателей. Да и Гладстон понимал, что, несмотря на значимость гомруля, кабинету сначала необходимо решить ряд внутривнутриполитических проблем. Еще в 1891 г. лидер либералов рекомендовал отложить разработку билля на 2 года, что вызвало чрезмерно эмоциональную реакцию Д. Морли: “Человек, который в 81,5 года хочет сформировать четвертый кабинет и говорит, что намерен отложить свою великую политику на 2 года! Отложить в его возрасте! Гладстон вряд ли станет премьером в 1894 г., когда ему стукнет 85!”². Последнее утверждение соответствовало истине.

Используя последнюю возможность, У. Гладстон бросил всю свою энергию на подготовку второго билля о гомруле 1893 г., который разрабатывался дольше и тщательнее, чем его предшественник³. В целом второй билль о гомруле в концептуальном плане был более ограничен, чем первый, и сводился к предложениям поправок к конституции. Он предлагал создание вместо однопалатного, как было в первом билле, двухпалатного законодательного органа, который находился в зависимости от Вестминстера. Заседания палат проходили раздельно, за исключением особых случаев - совместных заседаний при обсуждении серьезных соглашений. Законодательный совет, состоявший из 48 членов, должен был выбираться на основе ограниченного избирательного права, чтобы защитить права протестантского меньшинства, а Законодательная ассамблея из 103 человек должна была формироваться на основе выборов в избирательных округах. Полномочия ирландского парламента, как и в предыдущем билле, были ограничены; передача Ирландии законодательства о земле, судебных полномочий, контроля над полицией и финансами производилась через определенные временные интервалы. Ирландское представительство должно было развиваться постепенно путем формирования исполнительной власти и ее инфраструктур. Билль сопровождался подробными рассуждениями о необходимости сохранения представительства ирландских парламентариев в Вестминстере. Они должны были принимать участие в обсуждении только ирландских и имперских, но не британских проблем. Но поскольку либера-

лы нуждались в ирландских голосах, по инициативе Гладстона в ст. 9 билля была внесена поправка, по которой ирландским парламентариям разрешалось посещать заседания в Вестминстере без ограничений. Законопроект 1893 г. не пытался, как в 1886 г., отразить принцип “всеобъемлющего гомруля”. Земельная реформа, являвшаяся основной составляющей билля 1886 г., отсутствовала во втором проекте.

Еще более сложной была финансовая сторона билля. Идея о том, что Ирландия должна платить взнос в имперскую казну, отраженная в билле 1886 г. и реализованная в 1916 г.⁴, не учитывала инфляции и дефляции валюты. Хотя во время встречи Гладстона с Парнеллом в 1889 г. обговаривалось, что Ирландия должна платить фиксированный процент от общего имперского сбора, эта идея так и не нашла отражения в билле 1893 г. При обсуждении финансовых рекомендаций билля в комиссии было предложено, чтобы размер налога исчислялся в зависимости от годового дохода, а ответственность за это возлагалась на таможенную, а не на имперское казначейство. Ирландия должна была передавать в казначейство одну треть от суммы своего годового дохода. Из нее одна треть направлялась на развитие империи, а две трети – на внутренние нужды Ирландии. Следовательно, если годовой доход Ирландии увеличивался, одна треть все равно шла в имперскую казну. Во время обсуждения в комиссии канцлер казначейства Харкорт пытался внести ряд дополнений в билль, в частности пункт о стратегическом финансовом контроле со стороны казначейства и уменьшении финансовой автономии Ирландии⁵. Британское казначейство должно было устанавливать размер налога в Ирландии, который утверждался Вестминстером и пересматривался каждые 15 лет.

Любопытно, что хотя первый законопроект о гомруле разрабатывался в спешном порядке в период острого политического кризиса 1886 г., а на разработку второго 1893 г. у либералов имелось в запасе 7 лет, разногласия по двум основным статьям билля – представительству ирландцев в Вестминстере и налогообложению – так и не были преодолены. Хотя 1 сентября 1893 г. законопроект в третьем чтении прошел в палате общин большинством в 34 голоса, спустя неделю лорды забаллотировали билль 419 голосами⁶. Разочарованный Гладстон предполагал возвратиться к гомрулю в 1894 г. – возможно, в виде билля или резолюции, но коллеги его не поддержали⁷.

В целом проблема гомруля в последние два десятилетия уходящего XIX в. имела значительное воздействие на британские политические партии; он помог укрепить консервативную партию, объединив усилия сторонников империализма и защитников собственности. Либеральная партия, с другой стороны, уменьшила власть и раскололась, причем в этом состоянии находилась 20 лет. Фанатическая приверженность Гладстона гомрулю побудила его оставаться на посту лидера в тот момент, когда партия нуждалась в изменениях. В результате либералы лишились лидера радикалов Дж. Чемберлена, одного из наиболее инициативных лидеров партии, социального реформатора, вследствие чего курс на социальные реформы был отложен на последующие два десятилетия и продолжен лишь с 1906 г. Ллойд Джорджем и У. Черчиллем.

Внешнеполитические сложности последнего кабинета Вильяма Гладстона были связаны прежде всего с конфликтом в Уганде и Египте. Еще в 1890 г. администрация Р. Солсбери подписала договор с Германией о разделе сфер влияния в Восточной Африке, по которому за Британией признавался контроль над Угандой, Кенией и протекторат над Занзибаром. Чтобы установить контроль Британии над долиной реки Нил и не допустить туда французов и бельгийцев консерваторы, во главе с Р. Солсбери приняли решение о строительстве ветки протяженностью 800 миль⁸. Внутренняя обстановка в Уганде осложнялась из-за вмешательства в борьбу местной знати, английских (протестантских) и французских (католических) миссионеров. В итоге столкновений правителя Уганды заставили признать власть британской компании, а французы были вынуждены покинуть страну. На все эти мероприятия имперская “Восточно-Африканская компания” потратила 80 тыс. ф. ст. в год, вернув из них лишь 35 тыс. О пристальном внимании членов кабинета к угандийской проблеме можно судить по дневнику Гладстона, в котором начиная с сентября 1892 г. ей уделялось первоочередное внимание⁹.

Гладстон выступил за выведение британских войск из Уганды. Подробно ознакомившись с проблемой, премьер-министр в письме канцлеру казначейства отметил, что вопрос об Уганде был урегулирован компанией и прежним правительством и нет необходимости вновь его поднимать¹⁰. Позицию премьер-министра разделяло большинство его коллег¹¹. Однако глава Форин офис Розбери выступал за сохранение контроля Британии в Уганде и угрожал отставкой, если

кабинет не согласится с его политикой. Поэтому в ноябре 1892 г. для выяснения ситуации в Уганде туда был послан генерал-консул Г. Портал с тайной инструкцией Розбери не допускать вывода войск¹². В марте 1893 г. радикал Лабушер выступил за сокращение расходов в Уганде на 5 тыс. ф. ст. (что являлось фактической стоимостью миссии Портала) и изменение восточно-африканской политики правительства. Но консерваторы видели в политике Розбери продолжение курса Солсбери, поэтому не поддерживали Лабушера. Портал остался в Уганде в 1893 г. и выполнял распоряжения Розбери, которые шли вразрез с мнением премьера-министра и либерального кабинета¹³. Ситуация объяснялась чрезвычайно просто: время Гладстона близилось к закату, а позиции Розбери, который рассматривался в качестве основного кандидата на пост премьер-министра, укреплялись. В результате либеральный кабинет согласился рассмотреть вопрос о протекторате в Уганде после назначения Розбери главой государства.

Не менее сложной была ситуация в Египте. Еще в 1882 г. он был временно оккупирован британскими войсками. Но в январе 1889 г. новый египетский хедив Аббас II сместил своего премьер-министра, британского уполномоченного Крумера. В ответ тот потребовал из Англии новых вооруженных формирований, а также чрезвычайных полномочий. Гладстон и Харкорт были категорически против выполнения этих требований¹⁴, но министр иностранных дел Розбери вновь стал угрожать отставкой, проинформировав Крумера: “Если на заседании кабинета в понедельник не будет решено предоставить вам дополнительные полномочия, Форин офис перейдет в другие руки”¹⁵. Розбери не хотел вступать ни в какие переговоры с французами, в результате чего последние стали разрабатывать план путча в верховьях Нила, который вылился через 5 лет в Фашодский кризис.

Наконец, сложности последнего кабинета Гладстона были связаны с предложением Адмиралтейства увеличить расходы на ВМФ в 1894 – 1895 гг. на 4 млн. ф. ст. для повышения боеспособности британского флота в результате русско-французского сближения и активизации колониальной политики Германии в Центральной Африке, Египте и на Востоке. В парламенте оппозицию лордам Адмиралтейства во главе со Спенсером составил В. Харкорт, полагавший, что паника в военно-морском министерстве не имеет под собой оснований¹⁶. С конца декабря 1893 г. противостояние приняло открытый характер. Гладстон считал предложенную сумму чрезмерной¹⁷, согла-

сившись лишь на 2 млн. 250 тыс. ф. ст.³³. Хотя блестящему полемисту Харкорту удалось добиться согласия военно-морских лордов снизить расходы до 1,5 млн. ф. ст., Гладстон остался неумолим. Он отметил, что в течение 40 лет “несет ответственность за предотвращения милитаризации в Европе и не будет складывать с себя эту ответственность ни при каких обстоятельствах”¹⁸.

9 января 1894 г. состоялась решающая встреча членов либерального кабинета по поводу расходов на ВМФ. Гладстон в 50-минутной речи пытался убедить коллег, что ничто не вынудит его согласиться на увеличение расходов¹⁹. Подробности событий этого заседания описаны в меморандуме Розбери²⁰, из которого мы узнаем, что кабинет склонился на сторону Спенсера. Это положило формальный конец эре Вильяма Гладстона.

Наиболее вероятным преемником великого Вильяма был Артур Розбери, которому к тому же симпатизировала королева. Он являлся сторонником активной империалистической политики, хотя так и не смог предложить альтернативного Р. Солсбери и О. Чемберлену курса. Розбери происходил из аристократической семьи шотландских землевладельцев и позднее преумножил свой капитал, женившись на самой богатой невесте Великобритании - дочери Ротшильда²¹. Он был интеллигентен, внешне привлекателен, изыскан, обладал блестящими способностями, чувством стиля, но никогда не стремился к активной политической деятельности, к тому же обладал противоречивым характером. Розбери был прекрасным оратором, тонким знатоком истории, защитником империи, любимцем прессы. Молодое поколение восхищалось его великолепным эссе о лорде Рандольфе Черчилле, коллеги отмечали его умение вести изысканную переписку. Но ряд качеств: пессимизм, эгоцентризм, обидчивость – мешали успешному развитию его политической карьеры и стали причиной потери поддержки коллег. Розбери часто ошибался в политической ориентации. В 20-летнем возрасте он пытался сделать выбор в пользу партии Дизраэли. И хотя все-таки стал либералом, в имперской и ирландской политике, земельном вопросе взгляды Розбери были консервативны. С возрастом консерватизм воззрений прогрессировал²².

Поскольку Розбери заседал в палате лордов, полномочия лидера палаты общин закономерно переходили к В. Харкорт. Ошибочность расчетов либералов уже тогда была подмечена Э. Гамильтоном: “Невозможно, чтобы Розбери стал премьером, а Харкорт возглавлял либе-

ралов в палате общин: у них нет ничего общего. Пэр может стать премьером либерального правительства лишь в том случае, если нижнюю палату возглавит человек, которому он симпатизирует и с которым действует сообща»²³. Сложности же взаимоотношений этих двух фигур в партии либералов не были секретом. Позднее Харкорт признался, что на посту лидера нижней палаты будет делать все возможное для укрепления и процветания партии, но с Розбери у него не может быть никаких, кроме официальных, отношений²⁴. Действительно, в течение всего периода нахождения у власти, оба лидера избегали разговоров наедине и предпочитали общаться через третье лицо.

В британской историографии существуют две точки зрения по поводу отношений Розбери - Харкорта. Сторонники первой (Д. Брукс) представляют Харкорта умелым политиком, желавшим сохранить деловые отношения с премьер-министром, поведение которого выдавало обидчивого и незрелого юнца. Вторая (Р. Джеймс) склонна винить в развивавшемся конфликте канцлера казначейства, который якобы сознательно провоцировал ссоры с Розбери и подводил его к идее отставки. По всей видимости, истина лежит где-то посередине. И особенности характеров Розбери и Харкорта, и сила обстоятельств не позволили урегулировать конфликт в 1894 г., с момента назначения нового лидера. В частных беседах Харкорт действительно был нетактичен, но публично он всегда выражал лояльность премьер-министру²⁵.

Однако получение Розбери властных полномочий было отнюдь не простым шагом. И дело не только в закулисных интригах сына Харкорта Лулу, желавшего, чтобы отцу достался пост премьер-министра, но и в странном поведении В. Гладстона, который после раскола кабинета 9 января 1894 г. уехал из столицы в Биаритц. Лишь спустя 7 недель, 23 февраля, во время обсуждения кабинетом речи королевы при закрытии сессии парламента, Гладстон сказал о намерении подать в отставку, что, к облегчению коллег, аргументировал плохим состоянием здоровья. 5 марта Розбери официально стал премьер-министром²⁶.

Являлось ли назначение Розбери продуманным и удачным ходом? Он был менее опытен в политической борьбе, чем многие коллеги по кабинету. Во время работы он неоднократно пытался подать в отставку. Даже в 1892 г., при формировании кабинета Гладстона, его было не просто уговорить принять должность главы Форин офис. Он часто расходился во мнении со своими соратниками по партии. Нако-

нец, до мозга костей пэр, он стал лидером либералов в тот момент, когда партия начала решающую борьбу с верхней палатой. Но к 1894 г., несмотря на молодой для маститого политика возраст, Розбери уже имел за плечами определенный политический опыт. Он начал свою карьеру в качестве младшего министра в годы второй администрации Гладстона (1880 -1885); в 1885 г. стал членом кабинета, а через год - главой Форин офис, занимая этот же пост и в составе четвертой администрации Гладстона.

С самого начала новая администрация, пребывание у власти которой продолжалось 15,5 месяцев, находилась в затруднительном положении из-за нежелания ряда ее членов работать под руководством Розбери. Уже первое заседание нового кабинета проходило в напряженной атмосфере²⁷. Розбери оказался в двусмысленном положении: как последователь Гладстона, он был вынужден продолжить политику гомруля, никогда не являясь ее горячим сторонником, борьбу с палатой лордов, членом которой был сам, и реализацию социально ориентированной Ньюкальской программы партии, никогда не испытывая интереса к социальным вопросам. Как справедливо отметил британский историк Д. Гуч, с момента назначения на должность премьер-министра “медовый месяц в жизни и политической карьере Розбери, до этого развивавшейся по нарастающей, закончился”²⁸. Наибольшие разногласия среди либералов обнаружились даже не столько по вопросу об автономии Ирландии, который по тактическим соображениям было решено на время снять с повестки дня²⁹, сколько по проблемам внешней политики, когда гладстоновскому курсу на сокращение активности британских войск в Африке (Харкорт, Морли и Асквит были его проводниками) противостояла проимпериалистическая позиция премьер-министра Розбери и главы Форин офис Кимберли.

У нового правительства не было приоритетов в законодательной программе. В речи королевы были упомянуты 11 биллей, большинство из которых свидетельствовало о желании либералов проводить компромиссную политику, объединявшую разнородные политические силы. Некоторые предложения: реформа избирательного права, контроль над выпуском спиртного, отделение церкви от государства в Шотландии и Уэльсе, помощь ирландским арендаторам - основывались на Ньюкальской программе. Но три проблемы осложняли деятельность правительства. Первая касалась бюджета, который был

внесен в апреле 1894 г., вторая была связана с началом кампании против палаты лордов и отделением церкви от государства; наконец, третья – с кризисом в Центральной и Северной Африке.

Бюджет, подготовленный канцлером В. Харкорт, стал наиболее значительным внутривластным мероприятием правительства в 1890-х гг. Бюджет символизировал отход от финансовой политики Гладстона, которую тот проводил еще в качестве министра финансов кабинетов Г. Пальмерстона. Харкорт отказался от двух важнейших принципов либералов: предоставления льготных условий сельскому хозяйству и максимально широкого социального охвата при налогообложении. Он также призвал пересмотреть известную составляющую классической триады либеральной доктрины (“мир, дешевое государство, реформы”) – борьбу с увеличением общественных расходов, тем самым заложив основы будущего социального реформирования³⁰. Опираясь на данные статистики, Харкорт указал, что за годы свободной торговли тяжесть налогообложения удвоилась, доходы же от собственности и вложений утроились, а экспорт капитала из Британии увеличился в 4 раза. Это и являлось, по мнению канцлера казначейства, той исходной позицией, на основе которой можно было проводить социальные реформы (в частности, ввести бесплатное государственное образование).

В бюджете предлагалась самая значительная в мирное время расходная часть – 102,72 млн., которая перекрывала даже знаменитый “100-миллионный бюджет” 1885 г. и была превышена только в 1813 – 1814 гг., во время войн с Наполеоном. На нужды армии и ВМФ предусматривалось 35 млн. ф. ст. – самая значительная сумма в мирное время. Дефицит бюджета – 4,624 млн.³¹ – Харкорт предполагал покрыть за счет дивидендов от покупки в 1876 г. акций Суэцкого канала, отказа от уплаты долгов консервативного правительства и введения новых налогов. Наряду с увеличением пошлин на пиво и спирт предлагалось ввести специальный налог на имущество умершего до перехода его к наследнику (так называемая “пошлина в связи со смертью”). Харкорт рассчитывал обложить налогом не только землю (недвижимую собственность), но и индивида, вступающего в права наследства (движимая собственность). Это позволило освободить от налога землю, на которой проживали арендаторы и свободные поселенцы³². Наконец, наиболее радикальным стало предложение увеличить подоходный налог на 1 пенни (с 7 до 8 пенни) с 1 фунта доходов

и ввести систему скидок для малообеспеченных налогоплательщиков, ежегодный доход которых был ниже 500 ф. ст.; доходы ниже 100 ф. ст. были освобождены от налога³³.

В целом бюджет 1894 г. предлагал перейти от косвенного к прямому налогообложению, существенно перераспределить его в пользу малоимущих: мелкой буржуазии, интеллигенции, торговцев, которые способствовали победе либералов в 1892 г. Предполагалось, что тяжесть налогов будет ложиться на плечи землевладельцев и владельцев питейного бизнеса.

Ознакомившись с проектом бюджета, 4 апреля Розбери передал Харкорту меморандум, в котором критиковал ряд его нововведений, опасаясь, что это приведет к разделению партии по социальному принципу. В ответном меморандуме канцлер казначейства полностью опроверг страхи Розбери о налоге на капитал³⁴. “Что заботит меня, -отмечал Харкорт, - поскольку я несу личную ответственность за финансы страны, это введение принципа финансового равенства...”. Кабинет, а в июле и палата лордов одобрили проект бюджета Харкорта, но отношения двух ключевых фигур либерального правительства были окончательно испорчены³⁵.

Любопытно сравнить события, связанные с принятием бюджета 1894 г., с аналогичными в 1909 г. В первом случае практически не были затронуты интересы представителей коммерческих и финансовых кругов. Не были столь значительными в 1890-е гг. и налоги на капитал. В 1909 г. многие юнионисты связывали с судьбой бюджета будущее палаты лордов. Более того, они могли предложить то, чем не располагали консерваторы Р. Солсбери в 1894 г. - альтернативную финансовую стратегию в виде тарифной реформы. Не случайно в отличие от политического кризиса, виновником которого был бюджет Ллойд Джорджа 1909 г., аналогичный документ в 1894 г. прошел несколько стадий обсуждения и не встретил серьезного сопротивления. Хотя если бы лорды спровоцировали роспуск парламента путем провала бюджета, репутация либералов могла бы возрасти в глазах избирателей. Более того, нанеся поражение правительству, консерваторы должны бы были первым делом предложить отличные от либеральных меры по повышению национального дохода.

На фоне бюджета явно провальной стала другая либеральная инициатива - законопроект о выборах, который был призван демократизировать работу избирательного механизма. Правительствен-

ный билль, внесенный 13 апреля 1894 г., предлагал сократить ценз оседлости с 12 до 3 месяцев, отменить требование личной уплаты налога, регистрировать электорат два раза в год, проводить выборы в один день и отменить множественное голосование. Законопроект, реализация которого должна была обойтись в полмиллиона ф. ст.³⁶, не удовлетворил никого и в мае был отозван правительством.

Неудачным стал и билль о согнанных арендаторах в Ирландии, своеобразная попытка возратить долги ирландским союзникам правительства за их поддержку в парламенте. Последняя консервативная администрация попыталась восстановить в правах незаконно согнанных арендаторов (раздел 13 Земельного Акта 1891), что по сути давало им возможность выкупа своих земельных держаний. Либералы попытались пойти дальше. В 1894 г. министр по делам Ирландии Д. Морли предложил унифицировать систему, т.е. предоставить каждому арендатору, согнанному с земли, право быть восстановленным в своих правах независимо от срока давности. Для этого предлагалось создать специальный арбитражный орган, который бы рассматривал жалобы арендаторов и, в случае обнаружения нарушений со стороны землевладельцев, мог восстановить их права в отношении любого владения, принадлежащего лендлорду. Последний же получал двухгодичную недоимку по арендной плате³⁷. В августе билль потерпел поражение в палате лордов³⁸.

С осени либеральные деятели стали обдумывать эффективные способы борьбы с лордами. Задача была не простой. Во-первых, вряд ли было возможно использовать конституционные способы, так как лорды не пропустили бы билль, ограничивающий их власть. Во-вторых, серьезных оснований для развертывания широкомасштабной кампании против лордов в тот период не было. Наконец, премьер-министр Розбери вряд ли бы стал удачной фигурой для инициирования борьбы против лордов, сам являясь членом верхней палаты; к тому же он не имел большого авторитета в палате общин, был мало осведомлен о конституционных аспектах борьбы, не стремился согласовывать свои действия по организации кампании против лордов с мнением коллег и испытывал серьезный нажим со стороны королевы. Как верно заметил Луи Харкорт, “произошла ошибка в выборе времени и способов для ведения борьбы против лордов; партия была полностью деморализована и дезорганизована”³⁹.

Постоянные стычки в кабинете, нападки со стороны либеральной прессы, непростые отношения с королевой⁴⁰ подорвали здоровье Розбери. Он стал страдать бессонницей, появились симптомы нарушения мозговой деятельности. В результате 19 февраля 1895 г. на заседании кабинета Розбери зачитал четырехстраничный меморандум, в котором заявил, что в результате отсутствия поддержки в нижней палате намерен подать в отставку. Позднее премьер-министр вспоминал, что угроза отставки была единственным способом для восстановления дисциплины в кабинете⁴¹.

Последние серьезные дискуссии в Вестминстере в 1895 г. проходили при обсуждении билля об отделении церкви от государства в Уэльсе в мае 1895 г. Группу независимых уэльских депутатов возглавлял Ллойд Джордж, будущий либеральный премьер-министр. Законопроект предлагал отменить англиканскую церковь в Уэльсе с 1 января 1897 г. Это означало, что с указанного срока англиканские епископы Уэльса теряли представительство в Вестминстере, духовные учреждения распускались, а духовные суды теряли юридическую силу. Но духовенство Уэльса сохраняло права собственности⁴². Эти предложения на выборах 1895 г. были использованы юнионистами для критики либералов как противоречащие интересам Англии. Ведь Уэльс в их рассуждениях долгое время был составной частью Великобритании, ее социально-политической, экономической, культурной жизни. Не существовало даже точных границ между двумя территориями. В июне принятие билля было сорвано лордами.

Серьезные неприятности кабинету доставляли внешнеполитические дела. Основной заботой англичан в 1890-е гг. была защита долины Нила, где их интересы сталкивались с французскими. Французы ошиблись, полагая, что Розбери будет проводить менее наступательную, чем Р. Солсбери, политику. Англо-германское соглашение 1890 г. о разделе сфер влияния в Восточной Африке и англо-итальянский договор 1891 г. признали Судан сферой британских интересов. Но это только осложнило вытеснение Германии и Италии из региона и не предотвратило желание Франции и Бельгии положить конец британскому влиянию.

Розбери попытался выбрать меньшее из двух зол. Чтобы преградить Франции доступ к Верхнему Нилу с запада, Великобритания начала подготавливать договор с Бельгией, что происходило за закрытыми дверями Форин офис. По традиции именно последний, а не

министерство колоний контролировало африканские дела, если они затрагивали Египет. 5 марта 1894 г. состоялись переговоры в Брюсселе с Леопольдом II, в ходе которых Кимберли и Розбери предложили бельгийскому королю признать сферой интересов Британии верховье Нила в обмен на получение Бельгией контроля над бывшими египетскими провинциями без установления там ее суверенитета. 12 апреля был подписан секретный договор в Лондоне, о котором Харкорт узнал только спустя девять дней. В письме Кимберли 22 апреля он раздраженно отмечал: “Когда я согласился стать лидером палаты общин, Вы заверили, что будете меня предварительно информировать обо всех действиях Форин офис... Считаю, что соглашение с Бельгией - серьезное нарушение договоренности... Я требую публикации договора и свободы действий в отношении него”⁴³. Кабинет поддержал недовольство Харкорта.

После того как Леопольд узнал мнение английского кабинета, он был готов разорвать договор, но Кимберли и Розбери попытались не допустить этого. В результате 12 мая был подписан модифицированный вариант соглашения. По нему Британия соглашалась на оккупацию бельгийцами долины Нила от оз. Альберт до Фашоды; эти территории были объявлены личным владением Леопольда II и после его смерти должны были перейти к англичанам; По договору Леопольд передавал Великобритании часть территории Конго, а именно узкую полосу в 25 км, тянувшуюся вдоль границ бельгийских владений с германской Восточной Африкой. Но этот договор отрицательно встретили как в Париже, так и Берлине, и 14 августа он был отменен⁴⁴. В течение сентября Англия и Франция пытались договориться о признании последней сферы интересов Британии в северо-восточной Африке и запрещении дальнейшего распространения влияния обеих стран в долине Нила. Неудачи этих попыток доказали события 1898 г. (так называемый Фашодский кризис).

Таким образом, неудачи во внешней политике (отмена договора с Бельгией, неудачи в переговорах с Францией), а также внутренние сложности, связанные с бюджетом, борьбой с верхней палатой, оппозицией коллег, до предела ослабили администрацию Розбери. Пожалуй, вывести ее из состояния стагнации могло бы проведение ряда социальных мероприятий. Но как законопроект о праве населения на местах принимать решения путем голосования, так и билль о сокращении потребления спиртного были неоднозначными мероприятиями.

В конце июня 1895 г. правительство встало перед выбором распустить парламент либо подать в отставку. Мнения либералов по этому поводу разделились. В итоге, взвесив все “за” и “против”, кабинет решил подать в отставку. Июльские выборы были удручающими для либералов. Предоставив Р. Солсбери право сформировать коалиционное с юнионистами правительство, либералы фактически сами спровоцировали, чтобы юнионистская коалиция сделала центральным моментом избирательной кампании обсуждение итогов их правления. И если учесть экономическую ситуацию первой половины 1890-х гг., то тори находились в явном выигрыше и могли в открытую заявлять, что главные результаты правления либеральных кабинетов - нерешенные социальные и экономические проблемы, увлечение конституционными проблемами. А их псевдореволюционные лозунги угрожали важнейшему принципу частной собственности и противопоставлению классов британского общества. Либералы не смогли организовать консерваторам достойного отпора. В ходе предвыборной кампании так и не была выработана единая платформа партии, и Розбери не удалось, как это смог сделать Гладстон в случае с гомрулем, сплотить либералов под лозунгом борьбы с палатой лордов⁴⁵.

В результате на выборах 1895 г. либералы потерпели самое тяжелое с 1832 г. поражение. Ряд лидеров партии были вынуждены переизбираться от других округов. Юнионисты получили в новом парламенте большинство в 152 места (в 1892 г. в палате общин либералы имели большинство в 43 голоса). Э. Гамильтон писал: “Я считаю, что консервативные победы в 1895 г. связаны с той политикой, которую проводили либералы на протяжении последних 60 лет”⁴⁶. Действительно, либералы так и не осознали, что их традиционные лозунги — свобода, демократия, равенство прав - уже не привлекали избирателей; партия отражала интересы кельтского пояса, ее мало заботили имперские проблемы, пользовавшиеся большой популярностью британцев⁴⁷. И в этом плане позиция юнионистов и Чемберлена, связывавших вопросы социального развития с укреплением империи, была более привлекательной.

Таким образом, деятельность правительств В. Гладстона и А. Розбери была последним аккордом уходившей в прошлое славы либеральной партии викторианской эпохи. Отставка Гладстона в марте 1894 г. сняла ирландский вопрос с повестки дня либералов, но

инициировала проблему руководства; в течение последующих 10 лет деморализующее воздействие на партию оказывало противостояние двух лидеров - А. Розбери и В. Харкорта. Чувствовавший раздражение от политики Розбери имел мало общего с нонконформистской буржуазией и радикализмом и понимал свои функции первого лица в партии как очищение ее от наследства Гладстона. По этой причине либеральное правительство 1894 – 1895 гг. безнадежно пыталось реализовать положения Ньюкасльской программы, не имея большинства в нижней палате при наличии абсолютного вето лордов. Единственный значительный успех правительства, связанный с принятием бюджета 1894 г., в котором предлагался новый принцип прогрессивного налогообложения, расценен премьер-министром как ущемление права собственности и привел к очередному осложнению их отношений. Харкорт же не мог смириться с империалистическим курсом внешней политики Розбери, заявив, что “не является его сторонником”⁴⁸. В июле 1895 г. деморализованное либеральное правительство меньшинства потерпело поражение в палате общин. Глубокая причина либеральных неудач лежала в неправильно выбранном курсе, который проводился Гладстоном с 1880-х гг.

➤ Примечания

¹ The Gladstone Diaries. V. XIII. 1892-1896. Oxford, 1994. P. 53 - 54.

² Morley J. Recollections V. 1. L., 1917. P. 278 - 279. 28 July 1891.

³ О работе над биллем подр. см.: The Gladstone Diaries. V. XII. 1887 - 1891. 21 Nov. 1892. О заседаниях комитета см.: The Gladstone Diaries. V. XIII. P. 149 - 154, 23-25 Nov. 1892. О начале процесса разработки билля см.: The Gladstone Diaries. V. XIII. P. 138 - 140, 186 - 187.

⁴ The Gladstone Diaries. V. X. P. clvii.

⁵ Поправки 18 января, 16 февраля 1893 г.: The Gladstone Diaries. V. XIII. P. 185, 203.

⁶ Gardiner A.G. The Life of Sir William Harcourt. V. II. 1886 - 1904. L., 1923. P. 225; Matthew Y.C.G. Gladstone. V. 2. 1875 - 1898. Oxford, 1995. P. 339.

⁷ Письмо Морли 15 сентября, Асквиту 7 октября 1893г.: The Gladstone Diaries. V. XIII. P. 295 - 296, 307.

⁸ Письмо Гладстона Розбери 21 сентября 1892г.: The Gladstone Diaries. V. XIII. P. 85.

⁹ The Gladstone Diaries. V. XIII. 1892 - 1896. Oxford, 1994. P. 82 - 97, 132, 162 - 164, etc. Внешнеполитические проблемы подробно изучены в отечественной историографии. См., напр.: История германского колониализма в Африке. М., 1983; Субботин В.П. Колонии Франции в 1870 - 1918 гг. М., 1973; Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века. М., 1991 и др.

¹⁰ Ibid. P. 83.

¹¹ 27 сентября 1892 г. Кемпбелл-Баннерман писал Харкорт: “Я против новых шагов в Уганде, напоминающей мне бездонную пропасть... Если мы не можем быстро уйти, не надо хотя бы ввязываться дальше”. Цит. по: Wilson R.J. C.B.: A Life of Sir Henry Campbell-Bannerman. L., 1973. P. 238.

¹² Г. Портал (1858 - 1894) – дипломат и исследователь Восточной Африки, руководитель британской миссии в Уганде в 1892 - 1893 гг., генерал-консул в британской Восточной Африке. После отставки Гладстона весной 1894 г. идея о срочном выводе войск из Уганды была забыта и на этой территории был провозглашен британский протекторат: Недовольство В. Гладстона действиями Розбери и Портала см.: письмо Розбери от 11 декабря 1892 г. The Gladstone Diaries. V. XIII. P. 163 - 164, 197.

¹³ Письмо Гладстона Розбери 4 февраля 1893 г.: The Gladstone Diaries. V. XIII. P. 196.

¹⁴ 17 января, 20 апреля 1893г.: The Gladstone Diaries. V. XIII. P. 182 - 184.

¹⁵ Письмо В.Гладстона Розери 18 июля 1893 г.: The Gladstone Diaries. V. XIII. P. 266.

¹⁶ Gardiner R.F. The Life of Sir William Harcourt. V. II. 1886 - 1904. L., 1924. P. 246 - 247.

¹⁷ Переписка В. Гладстона по поводу расходов на ВМФ в январе 1894 г.: The Gladstone Diaries. V. XIII. P. 348 - 351, 356.

¹⁸ Цит. по: Gardiner R.F. The Life of Sir William Harcourt. V. II. P. 253.

¹⁹ The Gladstone Diaries. V. XIII. P. 356.

²⁰ Он опубликован в работе Р. Джеймса: James R.R. Rosebery: a biography of Archibald Philip, Fifth Earl of Rosebery. L., 1963. P. 498 - 512.

²¹ James R.R. Rosebery. 84 Note. В отечественной историографии любопытный очерк о лорде Розбери был написан сравнительно недавно: Гелла Т.Н. Лорд Розбери: страницы политической биографии // Россия и Британия. В мире английской истории. М., 2003. С. 268 - 288.

²² Цит. по: Wilson R.J. C.B.: A Life of Sir Henry Campbell-Bannerman. L., 1973. P. 136.

²³ E.Hamilton Papers. BM. Add. MS. 4862. 21 Feb. 1894. P. 124.

²⁴ Журнал Лулу 28 февраля. James R.R. Rosebery. P. 330.

²⁵ Brooks D. (ed.) The Destruction of Lord Rosebery. L., 1986. P. 5.

²⁶ Gardiner R.F. The Life of Sir William Harcourt. V. II. P. 271.

²⁷ W. Gladstone Papers. BL. Add. MS. 44094. Acton to Gladstone. 12 March 1894. F. 258.

²⁸ Gooch G.P. Under Six Reigns. L., 1958. P. 27.

²⁹ О переориентации самого Розбери см.: Гелла Т. Либеральная партия Великобритании и империя в конце XIX - начале XX века. Орел, 1992.

³⁰ PD. 4 Hansard. V. XXIV. P. 884 - 901 10 May 1894.

³¹ Бюджет опубликован: Gardiner R.F. The Life of Sir William Harcourt. V. II Appendix 5.

³² Gardiner R.F. The Life of Sir William Harcourt. V. II. P. 282.

³³ PD. 4 Hansard V. XII. P. 469 - 509. 16 Apr. 1894. James R.R. Rosebery. P. 372; Brooks D. (ed.) The Destruction of Lord Rosebery. P. 22.

³⁴ Gardiner R.F. The Life of Sir William Harcourt. V. II. P. 283 - 286.

³⁵ James R.R. Rosebery. P. 344. Подробнее о дискуссиях по бюджету см.: Brooks D. (ed.) The Destruction of Lord Rosebery. P. 27 - 29; 289 - 293.

³⁶ PD. 4 Hansard. V. XXIV. P. 378 - 407. 4 May 1894.

³⁷ Gardiner R.F. The Life of Sir William Harcourt. P. 358; О деятельности Д. Морли в период администрации Розбери см.: Hamer D.A. J. Morley: Liberal Intellectual in Politics. Oxford, 1968. P. 301 - 303.

³⁸ Lyons F.S.L. The Aftermath of Parnell, 1891 - 1893 // A New History of Ireland. V. 6. Ireland Under the Union. Part II. 1870 - 1921. Oxford, 1996.

³⁹ Harcourt W. MSS. 415. 19 Feb. 1895.

⁴⁰ James R.R. Rosebery. P. 361 - 362, 373.

⁴¹ Gardiner R.F. The Life of Sir William Harcourt. V. II. P. 350 - 351.

⁴² PD. 4 Hansard. V. XXII. P. 1455 - 1484. 26 Apr. 1894; V. XXX. P. 1487. 25 Feb. 1895.

⁴³ Цит. по: Stansky P. Ambitions and Strategy: The Struggle for the Leadership of the Liberal Party in the 1890s. Oxford, 1964. P. 110 - 111.

⁴⁴ Ibid. P. 125.

⁴⁵ Readman P.A. The 1895 General Election and the Political Change in Late Victorian Britain // The Historical Journal. 1999. No 42(2). P. 470.

⁴⁶ E. Hamilton Diary. 1 Aug. 1895. BL. Add. MSS. 48667.

⁴⁷ Гелла Т. Либеральная партия Великобритании и империя в конце XIX – начале XX вв. Орел, 1992. P. 26.

⁴⁸ Stansky P. Ambitions and Strategy... Ch. 3.

Историческая мысль в эпоху Просвещения: воспитание историей

XVIII в. занимает особое место в развитии исторической мысли. По выражению известного американского исследователя К. Бекера, “это был своеобразный период, который стоял на перепутье между старым и новым миром”¹. Вслед за гуманистами просветители предприняли смелую и решительную попытку противопоставить провиденциалистской концепции научное знание. Их усилия дали выдающиеся результаты. “Революцией в истории”², “периодом создания новой истории”³, “историографической революцией”⁴ называют современные исследователи тот новый взгляд на историю, который выработали “философы” XVIII в. Они создали такую историю, которая во многом уже напоминала наши представления⁵.

XVIII в. был, пожалуй, последним периодом в истории развития научной мысли, когда знание представлялось универсальным. Существовало представление о природе как о гигантском механизме, одну часть которого составлял физический мир, а другую - все проявления человеческой деятельности: экономической, политической, социальной, моральной, этической и т.д. Соответственно существовало два больших раздела: естественные науки (натурфилософия) и общественные (моральная философия). Свою важнейшую задачу просветители видели в том, чтобы создать новую, рациональную картину мира. Казалось, одна часть этого грандиозного плана была выполнена: научные открытия XVII в. (прежде всего принцип универсальной гравитации И. Ньютона) привели к открытию законов физического мира, которые объясняли происхождение и развитие природных явлений. Предстояло проникнуть в законы социальной жизни человека. Создание “науки о человеке” - термин, впервые употребленный Д. Юмом и получивший тогда широкое распространение, - должно было завершить, по мысли просветителей, подчинение всех явлений природы и общества человеческому разуму. Наука о природе была создана, науку о разуме предстояло создать⁶. Интеллектуальную суть века Просвещения составляла идея о том, чтобы распространить ин-

дуктивный, экспериментальный метод исследования, примененный Ньютоном, на область общественных отношений⁷. В конечном счете решение этой задачи означало достижение того идеала, к которому они стремились - создать гармонию в обществе, подобную той, которая существует в природе. Идеал создания полной справедливости, полностью добродетельного общества казался тогда делом ближайшего будущего.

Значение истории как науки, самым тесным образом связанной с изучением человека, значительно возросло. К ней обращались как к опыту; знания, которые она могла дать, рассматривались как практика, накопленная человечеством. Изучение “человеческой природы” должно было в лице истории получить достоверное, опытное подтверждение.

Для понимания происшедшей перемены необходимо вспомнить, на каком низком уровне был престиж истории в XVII в. История была исключена из числа “достойных” наук и рассматривалась скорее как один из жанров литературы, основная цель которого состояла в том, чтобы придать рассказу о прошлом большую занимательность. Преподавание истории в университетах почти не велось и сводилось к описанию деяний королей и императоров. Неудивительно, что один из самых передовых мыслителей XVII в. Рене Декарт в своем “Разыскании истины с помощью естественного познания” выражал полное презрение к изучению истории, считая это занятие недостойным мыслящего человека⁸.

В XVIII в. положение изменилось. Интерес к истории стал всеобщим. “Я верю, - писал Д. Юм в 1770 г., - это историческая эра”⁹. Видный философ XVIII в., Юм в свое время имел большую известность как историк, автор первой полной истории Англии, написанной с просветительских позиций¹⁰. Об изменении отношения к истории писал Э. Гиббон: “С тех пор как история стала служить самым высоким и самым низким запросам, она стала самым популярным жанром”¹¹. “История” самого Гиббона пользовалась огромным успехом. “Моя работа, - писал ученый после выхода первого тома “Истории упадка и крушения Римской империи”, - на каждом столе”¹².

В исторической науке того времени существовало два основных направления: “эрудиты”, или сторонники “антикварного направления”, и “интерпретаторы”, или “философы”. Первые главную задачу историка видели в сборе и публикации документов. Они выработали

ценную традицию документального исследования. Вторые стояли на идейных позициях Просвещения и настаивали на философском освещении исторических событий. Они не признавали заслуг эрудитов. История, считали “философы”, должна стать научной, т.е. основанной на исследовании и анализе. “Историю должны писать философы, что бы наши педанты ни говорили”, - утверждал Гримм¹³. На философском значении истории настаивал Юм, для которого история была частью задуманного им плана создания “науки о человеке”¹⁴. Ту же позицию занимал Вольтер, который считал, что писать историю должны философы¹⁵.

Выступление “интерпретаторов” против “эрудитов” вовсе не означало того, что они отрицали значение достоверности фактов, использование только проверенных данных. Требование изучать только “чистую правду” было традиционным общим местом в историографии начиная с древности. “Что останется от истории, - риторически спрашивал Д. Юм, - если мы не будем убеждены в правдивости историка, его зависимости от практики, которую имело человечество?”¹⁶. Их критика была не чем иным, как стремлением преодолеть взгляд на историю как на простое собирание фактов, превратить историю в научную дисциплину.

В чем же состоял для просветителей философский элемент в истории?

Мы совершим непоправимую ошибку, - писал известный российский историк М.А. Барг, - если истолкуем эту цель как раскрытие смысла событий, взятых сами по себе, в их объективном значении. Отнюдь нет. Исторический процесс оборачивался к мыслителям Просвещения главным образом своей субъективной стороной¹⁷. Конечной целью любого исторического исследования стало познание “неизменных принципов человеческой природы”. “Человечество настолько одинаково во все времена и во всех местах, - писал Д. Юм, - что история ничего не говорит нам нового или необычного. Ее основная цель - открывать постоянные и универсальные принципы человеческой природы”¹⁸. Важность и значение истории в том и состояла, чтобы выводить из нее уроки моральной и политической значимости. История - учитель морали и политики. Такой взгляд стал общепризнанным. Это представление было унаследовано от античных авторов: история, по их мнению, призвана была учить морали и добродетели. На многочисленных примерах просветители доказыва-

ли, что, только опираясь на опыт прошлого, государственные деятели и мыслители могли составить правильное суждение об обществе. В 1763 г. известный издатель Дж. Босуэлл заметил в своем журнале: “Я провел день, читая “Историю Англии” Д. Юма, которая расширила мои представления, наполнила меня великими идеями и сделала меня счастливым. Удивительно, как я мог до сих пор отрицать занятие историей, которое из всех занятий является наиболее развлекательным и поучительным”¹⁹.

Особое значение истории как “учителя ума” придавало ей ярко выраженный морально-воспитательный и политический характер. История широко использовалась просветителями в пропаганде их идей. Подобно тому, как раньше библейские догмы рассматривались в качестве решающего аргумента, исторические параллели теперь служили лучшим доказательством в политической борьбе. Поиск исторических параллелей становится одной из главных задач истории. Это, в свою очередь, явилось причиной особого интереса просветителей к “передовым эпохам”. История была разделена на две противоположных эпохи: “классическая древность”, которая рассматривалась как пример, достойный подражания, и “христианское тысячелетие”, которое считалось периодом фанатизма и невежества²⁰.

При этом историки опирались на прочно установившуюся периодизацию всемирно-исторического процесса, разделяя его на первобытную, древнюю, средневековую и новую стадии. Каждый из этих периодов стал играть собственную роль в понимании современности и “воспитании историей”. Первобытная стадия стала своего рода источником, в котором черпали обоснование теории естественного права. В античности видели воплощение общественных идеалов, высочайшего расцвета науки и искусства, гражданских доблестей. В истории античных государств искали подтверждение своих идеалов свободы, черпали аргументы для обоснования пагубности тирании. Просветители видели прямую связь между античностью и новым временем: подобно тому как в эпоху классической древности разум освобождался от темноты и невежества, наступало время его возрождения после многих веков засилья христианской церкви. История средних веков была для “философов” полем битвы, на котором они вершили суд над всем, что с точки зрения разума казалось отжившим и противоестественным. Именно здесь просветители могли наиболее открыто высказать то, что они думали о собственном времени. Что

касается нового времени, то его начало связывали с появлением гуманистической историографии. Европейская буржуазия XVIII в. была полна исторического оптимизма и связывала со своим временем начало новой эпохи разума и просвещения.

Произведения просветителей были, таким образом, принципиально тенденциозными. Поставив перед собой цель воздействовать на умы людей, они утверждали тем самым воспитательное значение истории и подходили к ней откровенно избирательно. Идея прогресса в истории освещала скорее будущее, чем прошлое. История человечества представляла у них отнюдь не в виде линейного прогресса, как об этом написано во многих учебниках. Существовала ритмическая закономерность в чередовании эпох: первая и третья были временем мифов, веры и суеверий, вторая и четвертая - периодом господства разума, науки и просвещения. Каждая играла свою роль в воспитании человека.

➤ Примечания

- ¹ Becker C. The Heavently City and the XVIII-th Century Philosophers. N.Y., 1932. P. 19.
- ² Gay P. The Enlightenment: An Interpretation. 2 vols. L., 1973. V. 2. P. 368.
- ³ The Evolution of British Historiography from Bacon to Niebuhr / Ed. by J.R. Hume. Cleveland and N.Y., 1964. P. 21; Hay D. Annalists and Historians. L., 1977. P. 169.
- ⁴ Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 305.
- ⁵ Gay P. The Enlightenment. P. 369.
- ⁶ Berlin J. The Age of Enlightenment. N.Y., 1956. P. 15.
- ⁷ Collingwood J.W. Eighteenth Century Europe. L., 1971. P. 20.
- ⁸ См: Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. М.; Л., 1940. С. 95.
- ⁹ The Letters of D. Hume. 2 vols. Oxford, 1932. To W. Strahan. August 1770. V. 2. P. 230.
- ¹⁰ Gay P. The Enlightenment. V.2. P. 369.
- ¹¹ Gibbon E. The Autobiography of E. Gibbon. Ed. by J. Millar. L., 1896. P. 175.
- ¹² Gay P. The Enlightenment. V. 2. P. 376.
- ¹³ Gay P. Historians at Work. 3 vols. N.Y., 1972 - 1975. V. 2. P. 225.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Сиволап И.И. Социальные идеи Вольтера. М., 1978. С. 173.
- ¹⁶ Gay P. Historians at Work. V. 2. P. 225.
- ¹⁷ Барг М.А. Историческая мысль английского Просвещения // Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 306.
- ¹⁸ Hume D. Political Essays / Ed. by Hendel. N.Y., 1953. P. 93.
- ¹⁹ Boswell's London Journal 1762 - 1763 / Ed. by T. Potley. N.Y., 1950. February 20. 1963. P. 197.
- ²⁰ Gay P. The Enlightenment. V. 1. P. 31 - 32.

Британский евроскептицизм

Евроскепсис и Британия - вещи почти неразделимые, причем не только на парламентском уровне, но и на более обыденном, бытовом. Тем не менее в современной отечественной историографии практически не встречается работ, которые акцентируют свое внимание на таком важном явлении в жизни британского общества, как евроскептицизм. Здесь мы попробуем наметить подход к данной проблеме.

В целом евроскептицизм можно охарактеризовать как общественное движение, затрагивающее многие страны Европы, оказывающее сопротивление дальнейшей европейской интеграции, не видя в ней перспектив как для своей страны, так и для Европы в целом, и выступающее за отказ (крайние евроскептики) от уже существующих и реально действующих общеевропейских интеграционных проектов.

Движение евроскептиков неоднородно и различается по своей силе и направленности¹. Наибольшим влиянием оно обладает в богатых европейских странах, где имеются влиятельные профсоюзные объединения. К таким государствам относятся страны - члены ЕС: Швеция, Великобритания, Финляндия, Дания, кандидат в члены Союза – Мальта, а также Швейцария (особенно немецкоговорящие кантоны) - государство, которое в Европейский Союз не входит. В большинстве стран Средиземноморья, Центральной, Юго-Восточной Европы, в Германии и Франции преобладает евроэнтузиазм, хотя движения евроскептиков существуют и там. Кроме того, в зависимости от конкретной страны цели евроскептиков несколько отличаются. Например, в Норвегии и Швейцарии (которые не являются странами - членами ЕС) оно направлено главным образом против присоединения к Европейскому Союзу. У норвежских политиков наибольшие опасения вызывает политика Единой Европы в области рыболовства. Норвежцы опасаются, что открытие своих рыболовных ресурсов для стран - членов ЕС сильно ударит по экономике страны.

Другая группа стран (Великобритания, Дания, Швеция), входя в ЕС, выступает против отдельных интеграционных проектов, таких, например, как введение единой европейской валюты на территории

своей страны, отказ от присоединения к Шенгенской зоне, неучастие в проектах ЕС в области социальной политики. Но главное, что соединяет всех евроскептиков, – это стремление сохранить национальный суверенитет своей страны в противовес созданию Единой Европы как наднационального государства, подобного США².

Особенно сильны позиции евроскептиков в Великобритании. Их подход к проблемам ЕС можно охарактеризовать как функциональный³. Соединенное королевство должно участвовать только в тех интеграционных проектах, которые уже проверены временем и приносят реальную выгоду Британии. Главным образом это должно выражаться в экономическом и военно-политическом сотрудничестве страны с другими европейскими государствами, без ущерба для ее геополитических интересов и национального суверенитета.

Другая важная причина, из-за которой часть британцев настроена критично в отношении полной интеграции своей страны в ЕС, – это недостатки самого Европейского Союза. Прежде всего, речь идет о дефиците демократии⁴. Британская критика дефицита демократии в ЕС связана в первую очередь с отсутствием ответственности народных избранников перед теми, кого они представляют в важнейших европейских институтах, например, отсутствие ответственности Комиссии перед парламентом. По мнению британских евроскептиков, без ответственности и демократической отчетности нет демократии. Критерием демократии служит британская вестминстерская модель демократической легитимации⁵.

Таким образом, евроскептицизм в английском обществе, парламенте и правительстве Соединенного Королевства появился отнюдь не на пустом месте. Это почти что доминирующая идеология⁶. Британия отказалась участвовать в общеевропейской политике равных взносов в общую кассу социальных отчислений. Лондон утверждает, что такой шаг приведет к тому, что британские налогоплательщики будут оплачивать пособия немцев, испанцев, португальцев, не получая взамен ничего. Весьма скептически настроены и в министерстве обороны Великобритании, где недавно наотрез отказались даже рассматривать поступившие из Бонна и Брюсселя предложения перевести ядерное оружие, принадлежавшее Франции и Великобритании, из под контроля национальных правительств этих стран под контроль некой гипотетической общеевропейской администрации. Эта идея нарушает договор о нераспространении ядерного оружия и грозит по-

ставить Лондон в весьма неловкое положение, еще более сократив его политическую самостоятельность.

Кроме того, есть и проблемы иного свойства. В Великобритании нет удостоверений личности, но именно на введении такого общеевропейского удостоверения и настаивает Брюссель. Такое наступление на традиционные обычаи страны не пришлось по вкусу англичанам. Лондон категорически отказался от введения чуждых ему форм регистрации граждан. И это далеко не полный список того, что не устраивает Британию как члена Европейского Союза⁷.

Сейчас особенно сильные позиции британские евроскептики приобрели в консервативной партии. Отношение Соединенного Королевства и ЕС является важной проблемой, которая обсуждается на форумах тори. С критикой Европейского Союза там выступают лидер консерваторов Дункан Смит (Duncan Smith), член европарламента Тимоти Киргоп (Timothy Kirkhope), член палаты общин Дэвид Хичкот-Амори (David Heathcoat-Amory) и другие евроскептики⁸.

Проблема взаимоотношения ЕС и Великобритании является, по их мнению, одной из самых ключевых в политике официального Лондона. Поспешные шаги по интегрированию страны в ЕС могут привести к печальным последствиям.

Послевоенные идеи (противопоставить Советскому Союзу мощный блок в Западной Европе, помирить "извечных" врагов Францию и Германию и т.п.), на которых была основана интеграция, сейчас устарели⁹. Уже тогда руководители стран, которые подписали Римский договор, понимали, что в будущем в Европе должно быть создано супергосударство. Сначала Британия уклонилась от интеграции, понимая крайнюю невыгодность данного шага. Но в 1972 г. Эдвард Хитт ввел страну в Единый Европейский рынок, пожертвовав национальными интересами в области рыбной торговли. Единый Европейский Акт 1985 г., Маастрихтский договор (1992 г.) и Амстердамское Соглашение 1997 г. в том числе привели к созданию валютно-экономического союза европейских стран. Для Великобритании это означает, что Брюссель фактически получил право управлять ее промышленностью, торговлей и вопросами охраны окружающей среды. (см. речь: Heathcoat-Amory. 100 Reasons for Change). Из-за членства в ЕС, по мнению евроскептиков-консерваторов, страдает британская внешняя торговля так как многое приходится согласовывать со своими европейскими партнерами, и без проволочек и непонимания здесь

не обходится. Особенно сильно это отразилось на внешней торговле произведениями искусства. Кроме того, еврообязательства перед своими континентальными партнерами по ЕС оказали влияние (не в лучшую сторону) на британские вооруженные силы, свободу вероисповедания, налогообложение, фермерство... и даже на охоту на фазана. Выступления видных деятелей консервативной партии как исторический источник отличаются большой эмоциональностью и абстрактностью. Тем не менее можно выделить некоторые положения, придающие специфику британскому консервативному евроскептицизму.

Во-первых, многие тори пытаются найти недостатки во всех европейских интеграционных проектах, показать, что членство в Евросоюзе оказывает негативное влияние почти на все стороны жизни Британии.

Во-вторых, особый акцент они делают на опасность практически полной потери Британией национального суверенитета в случае углубления ее интеграции в ЕС.

И, наконец, они призывают англичан ориентироваться не на Европу, а на своих традиционных союзников - США.

Идеи крайних английских евроскептиков систематизировала бывший премьер-министр Маргарет Тэтчер в своей книге "Искусство управлять государством" ("Statecraft").

"Железная леди" резко критикует отношения Великобритании с Европейским Союзом, который она называет "памятником интеллектуалам, чья программа обречена на неудачу". Тэтчер считает ЕС организацией, "закостеневшей и фундаментально неререформируемой". Федеративная модель Европы, по ее мнению, нежизнеспособна. Создание подобного государственного образования приведет к катастрофическим последствиям для "старого" континента.

Баронесса призывает Великобританию пересмотреть свои отношения с ЕС. В частности, экс-премьер советует нынешнему правительству немедленно выйти из европейских соглашений о единой сельскохозяйственной политике и о рыболовстве. Лондону следует также отказаться от проведения единой европейской внешней политики и единой политики в сфере безопасности. И вообще для Великобритании, по ее убеждению, было бы целесообразней связать себя не с Евросоюзом, а с Североатлантическим соглашением о свободной торговле (НАФТА), куда входят США, Канада и Мексика. Советуя

будущему консервативному правительству в качестве предварительного шага начать переговоры с Евросоюзом о пересмотре условий членства Великобритании в ЕС, Тэтчер подчеркивает, что у Соединенного Королевства будет при этом очень сильная позиция. Значительные британские преимущества на таких переговорах, полагает она, обусловлены тем, что Англия является крупным импортером для большинства стран ЕС, одним из крупнейших доноров европейского сельскохозяйственного фонда, а ее территориальные воды - важнейший источник рыболовного промысла для европейских стран. Кроме того, Соединенное Королевство продолжает оставаться мировой экономической, политической и военной силой.

Критикуя чрезмерную, по ее словам, интеграцию Великобритании в ЕС, Тэтчер настаивает на том, что единая европейская валюта неизбежно потерпит "экономическое, политическое и социальное поражение". Евро, убеждена она, - это не более чем инструмент создания "мнимой европейской сверхдержавы", не сулящий Британии благополучия. Утрата фунта стерлингов, по мнению "железной леди", обернется огромными потерями для британского суверенитета, а значит, станет и даром по демократии. Вот таков британский консервативный евроскептицизм в его крайнем виде. Государственная философия и стратегические установки, изложенные в новой книге Тэтчер, могут оказать медвежью услугу нынешнему лидеру консервативной партии Иэну Дункану Смиту, стремящемуся реорганизовать партию и придать ей новый имидж после двух ее сокрушительных поражений на парламентских выборах. Известно, что Тэтчер поддержала Смита на выборах лидера партии и между ними установились теплые и тесные отношения. Однако нынешняя политическая тактика тори сводится к акценту на внутренних проблемах страны. Именно чрезмерная заикленность на европейских проблемах в ходе прошлых выборов была одной из причин их поражения. Как показывают опросы общественного мнения, большинство англичан поддерживают Тэтчер в стремлении сохранить фунт стерлингов. Да и британские консерваторы в целом по-прежнему проводят кампанию против присоединения к единой европейской валюте. В то же время заявленная ими цель создать к будущим выборам новый облик партии потребует заметного отхода от заветов тэтчеризма. Сейчас многие британские консерваторы полагают, что, вместо того чтобы выйти из ЕС, надо изменить в нем "правила игры"¹⁰. А главное, надо пересмотреть пол-

номочия брюссельской бюрократии, во многом мешающие развитию единой Европы. Необходимо выработать новые правила сосуществования, отступить от жесткой интеграционной модели.

Конечно, наивно было бы думать, что Великобритания уже завтра выйдет из ЕС и присоединится к Североамериканскому соглашению. Но вспомним, что организаторы - еврооптимисты призывают к скорейшему объединению Европы именно потому, что необъединенная Европа, по их мнению, не способна быть действенной геополитической силой, с которой будут считаться в Вашингтоне и мире.

Тем не менее предложение М. Тэтчер сменить партнеров и выйти из Евросоюза и присоединиться к Североамериканскому соглашению о свободной торговле - это не просто отчаянный призыв закоренелого евроскептика, пытающегося предложить своей стране любую альтернативу - лишь бы воспрепятствовать федеративной Европе. Это скорее, попытка уловить новые политические тенденции, которые обуславливаются стремительным и непредсказуемым развитием международной ситуации после 11 сентября 2001 года. К тому же после последних расширений на Восток сам ЕС уже не является такой сплоченной организацией, которой был раньше. В нем растет провинциальность. Так, например, Венгрия или Чехия в гораздо большей степени сосредоточены на собственных интересах, чем Бельгия или Португалия, уже научившиеся мыслить в категориях хотя бы континентальных интересов и понимать, что их ответственность в рамках ЕС распространяется на остальной мир.

Таким образом, сейчас нет никаких гарантий, что еврооптимисты победят евроскептиков, напротив, может оказаться, что предлагаемый евроскептиками долгий и осторожный путь является куда более продуктивным для будущего Европы, чем форсирование событий еврооптимистами. Нынешнего британского премьер-министра Тони Блэра трудно назвать евроскептиком, тем не менее его европейская политика и является примером осторожности по отношению к институтам ЕС. Впрочем, вряд ли какой-либо другой премьер-министр Соединенного Королевства мог бы действовать иначе.

➤ Примечания

¹ Более подробно см.: Forster A. Euroscepticism in Contemporary British Politics: Opposition to Europe in the Conservative & Labour Parties. Taylor & Francis Books Ltd, 2002. P. 9 – 25.

² Lord Beloff. Britain and European Union. L., 1996. P. 96 - 112.

³ См., например: Lord Howell. We should fight for a Europe of democracies. Speech to the Congress for Democracy meeting at Church House, Westminster on the Convention on the Future of Europe. (www.conservatives.com).

⁴ Goldstein E. The Last Noble Cause: Euroscepticism and the Battle for Britain. (www.antiwar.com).

⁵ См. также: Вайденфельд В. Материя политики // Internationale Politik. 1995. № 8. С. 1 - 2.

⁶ См., например: Great Britain. Parliament. Hansard's Parliamentary Debates. (30 October 1990, 30 October 1997).

⁷ Подробнее см.: Baker D., Gamble A., Ludlam S. and Seawright. MPS and Europe: enthusiasm, circumspection or outright scepticism? British Elections and Parties Review. Vol. 9. L., 1999. P. 171 - 185.

⁸ Их выступления, а также речи других евроскептиков – членов консервативной партии см. на: www.conservatives.com/news/article.

⁹ Здесь и далее использованы речи: Heathcoat-Amory. A European Foreign Policy; Heathcoat-Amory. Message to the European Convention; Kirkhope. More pillars for a European Community; Lord Howell. We should fight for a Europe of democracies (www.conservatives.com).

¹⁰ См., например, речь: Stockton. National Parliaments and the European Parliament (www.conservatives.com).

Американское оборонное сообщество и ракетные угрозы в АТР: положение и перспективы

Традиционно, американские эксперты по ядерному оружию уделяли мало внимания Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР). Будучи долгие годы сосредоточенными на противостоянии с СССР, они, по меньшей мере, придавали мало значения другим направлениям. Даже после окончания “холодной войны” проблемы ракетных угроз в АТР далеко не сразу попали в поле зрения американских аналитиков. Тем не менее во второй половине 90-х годов актуальность ракетной угрозы в регионе быстро стала общепризнанной. Этому способствовал целый ряд событий, наиболее значительными из которых стали тревожные ракетные пуски КНР и КНДР, развитие атомной программы КНДР и связанная с этим перспектива развертывания в регионе гонки вооружений.

Основными источниками угрозы в регионе, по мнению американских экспертов, являются Россия, КНР и КНДР. Однако степень и характер ракетных угроз, исходящих от них, достаточно сильно разнятся между собой.

Рассмотрим более подробно эти три направления.

Россия, по оценке рассекреченного в 2001 г. доклада ЦРУ “Иностранное ракетное развитие и ракетные угрозы до 2015 года”¹, располагает наиболее мощным и разносторонним ракетным потенциалом, способным достичь Соединенных Штатов Америки. Тем не менее в результате недостатка средств, старения вооружений, распада советской оборонной системы и мер по контролю за вооружениями возможности российских войск стратегического назначения значительно сократились. Но, даже учитывая эти сокращения, потенциал РФ остается самым значительным среди вероятных противников США в регионе. Согласно докладу на конец 90-х гг. Россия имела более 3 000 ядерных боеголовок², а данные доклада Совета по Международным Отношениям свидетельствуют о наличии у РФ около 22 тыс. боего-

ловок на хранении. По оценкам ЦРУ, в период до 2015 г. Россия будет располагать уже не более чем 2 000 ядерных боеголовок.

Наиболее часто упоминаемыми проблемами, связанными с российским ядерным потенциалом, являются угроза случайных запусков и похищения третьими странами российских технологий и вооружений стратегического назначения. Несмотря на широкое распространение подобных опасений как в академической среде, так и в американских СМИ, аналитики ЦРУ утверждают, что “в настоящее время все необходимые процедурные и технические меры безопасности соблюдаются и случайные либо несанкционированные пуски в высшей степени маловероятны”³.

Таким образом, следует признать, что степень угрозы США со стороны российских сил стратегического назначения значительно снизилась и не вызывает у американской стороны серьезных опасений. Основной причиной этого является хорошо разработанная система договоров в сфере безопасности между двумя странами, продолжающееся сокращение российского ядерного арсенала и относительно дружественные отношения между странами.

Реальность ракетной угрозы со стороны КНР имеет пока что весьма неопределенный характер. С одной стороны, как признают авторы “Иностранного ракетного развития...”, китайские стратегические силы (Второй артиллерийский корпус) представляют собой большие жидкотопливные ракеты с одной боеголовкой. Только 20 из них способны поражать цели на территории США. В то же время в связи со стремительным экономическим ростом Китая растут и его возможности. Ввод в строй новых перспективных мобильных твердотопливных ракет DF-31, по мнению американских экспертов, значительно продвинет Китай на пути создания современных, мобильных и более живучих стратегических сил. Доклад отмечает, что в период до 2015 г. на США будет нацелено от 75 до 100 китайских боеголовок, число которых увеличится еще на 20 с вступлением в строй DF-31⁴. Особый акцент китайское руководство делает на конвенционные (неядерные) баллистические ракеты, значительное количество которых развернуто против Тайваня. Использование неядерных боеголовок, по мнению Пекина, с одной стороны, дает возможность в случае боевых действий против Тайваня нанести ему значительный урон без форсирования Тайваньского пролива, а с другой стороны, не должно повлечь столь тяжелых политических последствий, как при использо-

вании атомного оружия. Несмотря на то, что набирающее обороты военное строительство в Китае, безусловно, представляет собой угрозу региональной стабильности, официальный Вашингтон не был склонен акцентировать эту проблему. Укрепление двухсторонних экономических связей и продолжающийся оживленный политический диалог между двумя странами давал надежду на разрешение спорных вопросов путем переговоров.

Северная Корея представляет собой наиболее реальную ракетную угрозу США. Несмотря на то, что только новейшая северокорейская двухступенчатая ракета Тептодонг-2 может достичь территории США (Аляски, Гавайев и западного побережья США), непоследовательная политика Пхеньяна делает эту угрозу наиболее реальной и актуальной для США. Как утверждает доклад, еще в первой половине 90-х гг., до официальной приостановки производства плутония, КНДР успела создать одну или две ядерные боеголовки. Так же, по мнению авторов доклада, дальность и грузоподъемность Тептодонг-2 может быть значительно увеличена с добавлением третьей ступени (подобный эксперимент уже был проведен Северной Кореей в 1998 г. с ракетой Тептодонг-1). Модернизированная таким образом ракета может доставить несколько сотен тонн полезного груза на расстояние до 15 000 километров, что достаточно, чтобы поразить любую точку Северной Америки⁵.

Проблема ракетной программы КНДР более всего беспокоила оборонное сообщество США. Не случайно именно она наиболее четко артикулировалась в таких документах, как “Национальная стратегия безопасности: вовлечение и Расширение” (1996 г.)⁶, “Стратегия безопасности США в Азиатско-Тихоокеанском регионе” (1998 г.)⁷, “Стратегия национальной безопасности для нового века” (1999 г.)⁸, докладе Комиссии Рамсфелда по ракетным угрозам США⁹. Подобной озабоченности в высшей мере способствовало отсутствие успехов в переговорном процессе с Пхеньяном и непредсказуемость политического курса КНДР, слишком часто и резко менявшегося на протяжении девяностых годов.

➤ Примечания

¹ Foreign Missile Developments and the Ballistic Missile Threat Through 2015. Unclassified Summary of a National Intelligence Estimate. Office of Public Affairs, December 2001.

² Ibid. P. 7.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 9.

⁵ Ibid. P. 10.

⁶ A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House. December 1996 / <http://www.usis.usemb.se/index.html>

⁷ United States Security Strategy for the East Asia-Pacific Region // East Asia Strategy Report. 1998.

⁸ A National Security Strategy for a New Century. The White House. December 1999.

⁹ Executive summary of the report of the commission to assess the ballistic missile threat to the United States. July 15, 1998.

Индийский бизнес и политика несотрудничества в 1918 - 1922 гг. (на примере г. Бомбей)

Республика Индия, являющаяся торговым и стратегическим партнером России, представляет собой уникальный пример “прорыва” в мировую экономику после завоевания независимости. Важнейшим условием для этого стали государственная поддержка предпринимательства и высокий уровень развития бизнес-сектора к моменту образования суверенного государства в 1950 г. Деловое сообщество Индии не только было экономически могущественным, но и принимало активное участие в политических событиях колониального периода. Предприниматели одновременно могли быть и союзниками, и противниками правительства, придерживаясь гибкой линии и по отношению к Индийскому национальному конгрессу (далее – ИНК), крупнейшей оппозиционной партии страны, возглавившей борьбу за независимость, а впоследствии – первое правительство Республики Индии.

Связь между ИНК и национальным промышленным капиталом установилась с момента образования этой организации – с 1885 г., и в дальнейшем характеризовалась периодами “потепления” и “охлаждения”. В частности, в 1918 - 1922 гг., в условиях экономического кризиса, порожденного войной, а также нарастания борьбы за независимость, проходившей в форме кампаний гражданского неповиновения или несотрудничества, происходило сближение интересов части предпринимательства с целями национально-освободительного движения. Особенно наглядно этот процесс можно представить на примере Бомбея, который являлся крупнейшим промышленным и торговым центром колониальной Индии.

В исследуемый период 1918 - 1922 гг., в Бомбее действовали по крайней мере три разнонаправленные и политически значимые силы. Их представляли крупные промышленники, колониальная администрация и партия Индийский национальный конгресс. Фактором, корректировавшим политику как ИНК, так и крупного бизнеса, были взаимоотношения с массовым сектором предпринимательства – мел-

кими торговцами и ростовщиками, которые в зарубежной литературе получили название “рыночники” в противовес промышленникам. Экономическое положение различных предпринимательских групп города было одним из стимулов их общественно-политической активности в данный период.

Пример Бомбея позволяет говорить о начале корреляции интересов представителей деловых кругов с направлениями политического процесса на локальном уровне. Можно выделить три группы крупных бизнесменов Бомбея - землевладельцев, крупных торговцев и промышленников, представлявших порой взаимоисключающие интересы. С целью защиты своих экономических интересов на городском уровне ведущие бизнесмены города создали ряд общественных организаций, в каждой из которых доминировали представители определенных группировок деловых кругов, что оказалось на руку прежде всего владельцам модернизированного производства как наименее крупной и наиболее уязвимой части предпринимательства.

В рамках рассматриваемого периода в деловой жизни города происходили два взаимосвязанных процесса. Один характеризовался размежеванием между промышленниками и представителями торговых (компрадорских) группировок местного бизнеса, другой демонстрировал постепенный поворот первых в сторону политики Индийского национального конгресса. Пример Бомбея показывает, что на данном этапе взаимозависимость интересов регионального предпринимательства и ИНК обусловила сближение их позиций в противостоянии колониальной администрации накануне первой кампании гражданского неповиновения.

Метод несотрудничества с колониальными властями не оправдал надежд бомбейских фабрикантов, что способствовало ослаблению их интереса к ИНК. Причиной этого была успешная законодательная политика англичан, которые еще в 1919 г. предложили реформу финансовой системы колонии. Теперь все доходы и сборы оставались полностью в руках местной исполнительной власти. Они же должны были платить правительству Индии фиксированные в зависимости от инфляции денежные взносы. Сумма таких взносов устанавливалась на несколько лет вперед и в дальнейшем подвергалась изменению¹. Предложенная схема финансовой отчетности устраивала бомбейских фабрикантов. Более того, они почувствовали возможность контролировать экономическое развитие города, что можно было осуществить с

помощью провинциальных законодательных собраний. Таким образом, предприниматели намеревались усилить влияние на экономическую политику города. Так же, как и умеренные конгрессисты, они приветствовали реформу Монтею - Челмсфорда, расширявшую избирательное право. В то же время радикально настроенные сторонники М.К. Ганди требовали предоставления Индии самоуправления. Поэтому подавляющее большинство представителей крупной буржуазии сохранило свои симпатии на стороне умеренных, которые наиболее точно выражали специфику их отношений с правительством.

После опубликования реформы многие владельцы фабрик даже составили оппозицию политике несотрудничества М.К. Ганди. В октябре 1920 г., через два месяца после начала общеиндийской кампании гражданского неповиновения, сторонники конституционных методов борьбы во главе с крупнейшими промышленными магнатами Бомбея официально заявили о своем несогласии с политикой М.К. Ганди. Они создали Комитет по антинесотрудничеству, который в первые дни своего существования получил пожертвования от крупнейшего финансово-промышленного дома Д.Р.Д. Таты, который считался одним из инициаторов создания Комитета. Через месяц о поддержке организации заявили и некоторые представители Либеральной ассоциации Западной Индии, бомбейской политической партии, состоявшей из части бывших конгрессистов-умеренных².

Таким образом, представители бомбейской промышленной буржуазии на данном этапе придерживались прогосударственной линии поведения. В их числе были представители торгово-финансовой элиты с довоенной родословной: Тата, Тхакурдас и др. В то же время предприниматели, в основном гуджаратцы и марвари, желавшие открыть собственный бизнес позднее, например семья Бирла, столкнулись с серьезными препятствиями как со стороны уже утвердивших свои позиции бизнесменов, так и со стороны колониального правительства. Первые вытесняли их с рынков, второе – наносило ущерб посредством налоговой и тарифной политики.

В данной ситуации поддержка политики М.К. Ганди представлялась этой категории предпринимателей единственным способом заявить о себе как в финансово-экономической, так и в политической сфере. Среди этой группы предпринимателей, составлявшей значительную массу населения города, были как “рыночники”, так и промышленники. Поэтому представители ИНК были заинтересованы в

их поддержке и пытались склонить на свою сторону, используя экономические и политические разногласия между ними и уже укоренившимися на бомбейском рынке крупными промышленниками. Сам М.К. Ганди, например, уделял особое внимание торговцам тканями. В 1921 г. он обратился к ним со страниц “Бомбей Кроникл”, призывая принять участие в бойкоте иностранных товаров. Он убеждал торговцев в том, что бойкот импорта сэкономит более 60 млн. рупий в год. При этом и более крупные торговые операции будут идти с участием индийской стороны, а значит, прекратится откачка капиталов из страны, и появятся новые возможности бизнеса для “рыночников”³.

Таким образом, “рыночники” и промышленники из числа пришедшего населения играли заметную роль в политике Конгресса, направленной на бойкот импорта. На данном этапе их интересы были взаимосвязаны и взаимозависимы. Бомбейские предприниматели, напротив, противостояли националистически ориентированной политике Конгресса вплоть до 1922 г., когда сложились благоприятные условия для сближения с ИНК. В результате в период первой общендийской кампании гражданского неповиновения (1920 – 1922 гг.) два основных фонда, финансировавших ИНК, - “Джинна мемориал холл фанд” и “Тилак сварадж Фанд” - получали пожертвования почти исключительно от торговцев и ростовщиков. 37 жертвователей были представителями купеческих фирм, 184 – членами купеческих ассоциаций разного уровня. В то же время происходило усиление экономических и политических позиций “рыночников”, что показывала работа таких организаций бизнеса, как Индийская торговая палата (ИТП) и Бомбейская национальная ассоциация розничных торговцев.

В первой организации традиционно доминировали представители крупного капитала, промышленники, которые проводили решения, не всегда выгодные “рынощикам”. Например, решение об одобрении резолюции в поддержку реформы Монтегю - Челмсфорда в 1919 г., в то время как “рыночники”, действуя совместно с гандистами, выступали за осуждение несправедливой для них финансовой политики Великобритании.

Такая же расстановка сил в ИТП наблюдалась и в 1921 г., когда обсуждался адрес принцу Уэльскому, собиравшемуся совершить визит в Индию. Традиционно лояльные представители крупной буржуазии призывали голосовать за принятие адреса, с чем были не согласны “рыночники”. В результате работа заседания была сорвана, ИТП

оказалась под угрозой дезорганизации, и только на следующем собрании адрес все же был одобрен преимущественно в один голос, причем решающим был голос председателя собрания.

В 1921 г. разгорелась фракционная борьба и внутри Бомбейской национальной ассоциации розничных торговцев. Ассоциация начала бойкот иностранных тканей, приурочив эту акцию к повышению курса рупии. Через 6 месяцев бомбейский промышленник М. Рамджи, являвшийся председателем Ассоциации, после консультации с правительством в Дели попытался на очередном собрании аннулировать первоначальную резолюцию по бойкоту. Однако в этом ему помешали националистически настроенные члены Ассоциации Н. Дайял, В. Говинджи, Н. Пуршотам и Н. Кешавлал. Они выпустили циркуляр, согласно которому М. Рамджи запрещалось выступать на собраниях или требовать созыва другого. В циркуляре также оговаривалось, что бойкот не должен был быть прекращен ни при каких условиях и что данная акция была следствием не столько повышения курса рупии, сколько Нагпурской резолюции ИНК. На следующем собрании Н. Пуршотам подверг критике правительство за “кампанию клеветы” против индийских торговцев. Резолюция по бойкоту иностранных тканей прошла.

Таким образом, очевидно, что “рыночники” поддерживали национально-освободительное движение в его активной фазе – в период кампании несотрудничества. В это время промышленники, решив воспользоваться теми благами, которые предлагала колониальная администрация, дистанцируются от ИНК. Когда, вопреки ожиданиям М.К. Ганди, кампания перестала быть ненасильственной, промышленники прекратили открыто взаимодействовать с Конгрессом. Их пугал размах массового движения и неспособность ИНК полностью контролировать вспышки локального экстремизма. В этих условиях политика колониальной администрации представлялась им меньшим злом. Они приняли на вооружение тактику “равноудаленности” как от правительства, так и от Конгресса. Пример Г.Д. Бирлы подтверждает это. По его собственному свидетельству, он играл роль защитника М.К. Ганди от англичан, и англичан - от М.К. Ганди⁴.

В изучаемый период бомбейская бизнес-элита разделилась на несколько группировок, которые предлагали порой диаметрально противоположные решения тех или иных задач в области городского строительства и социальной политики, что было следствием отсутст-

вия синхронизации в развитии традиционного и модернизированного секторов производства. В то же время раскол в рядах предпринимательства происходил и по отношению к набиравшей силу политике Индийского национального конгресса.

Пришлые бизнесмены, особенно марварийские, такие, как Г.Д. Бирла, не скрывали своих симпатий к М.К. Ганди и открыто финансировали ИНК. Бомбейские промышленники - Д.Р.Д. Тата, И. Рахимтула, К. Джахангир - скептически относились к политике Конгресса. Их интересы были более связаны с британскими, а их экономическое положение было более прочным и не зависящим от конкуренции с английскими производителями. Некоторые предприниматели одновременно сочувствовали и той и другой стороне. Пример тому дает деятельность П. Тхакурдаса. В 1920 г. он, по приглашению Д.Р.Д. Таты, принял участие в формировании Комитета по антинесотрудничеству⁵. В то же время П. Тхакурдас явился одним из организаторов Индийского коммерческого конгресса, форума национального бизнеса, оказывавшего поддержку Национальному конгрессу.

Таким образом, в период 1918 – 1922 гг. национальный бизнес избрал, по мнению автора настоящего исследования, достаточно гибкую и перспективную стратегию политического лавирования. Предприниматели старались держаться в стороне от тех мероприятий Национального конгресса, которые были связаны с открытой конфронтацией и агитацией. В то же время они не прекращали финансовую поддержку мероприятий ИНК, в частности, конструктивных программ М.К. Ганди. Деловые круги посредством деятельности на региональном уровне распространяли свое влияние на формирование политики партии. Кроме того, бизнесмены действовали в унисон с националистически настроенными членами Законодательного совета, тем самым оказывая давление на колониальное правительство и добиваясь удовлетворения требований растущей национальной индустрии.

➤ Примечания

¹ The Indian Year Book and Who's Who. 1931. Bombay, 1931.

² Gordon A.D.D. Businessmen and politics: rising nationalism and a modernizing economy in Bombay. 1918 - 1933. New Delhi, 1978. P. 159.

³ Bombay Chronicle. 7.07.1921.

⁴ Sunday. 26 June-2 July 1983.

⁵ Bombay Chronicle. 7.07.1920.

Модернизация в странах Востока (постановка проблемы)

Предметом исследования в рамках данной статьи является процесс модернизации в Турции и Египте в XIX - XX вв., в период, кардинальных перемен - реформ, которые в странах Востока затронули практически все сферы экономики, политики и культуры.

Турция и Египет переживали их болезненно, хотя процесс социально-экономических, политических и культурных преобразований можно рассматривать как одно из магистральных направлений стратегии государств и правительств. На протяжении последних двух столетий в этих двух странах радикальные преобразования превратились в перманентный процесс, и, хотя Египет в период XIX в. являлся составной частью Османской империи, в ее рамках он развивался гораздо динамичнее (в силу ряда причин: целеустремленность правителей, своевременная ликвидация оппозиции, более выгодное геостратегическое положение), тогда как позднее, в период правления Ататюрка и на исходе XX в. произошло смещение динамики реформ в сторону Турции. И если в XIX в. развитие двух стран происходило в рамках одной модели – османской с опорой на нормы ислама, в XX в. их модели видоизменились. Турция встала на путь построения светского гражданского общества, и ислам перестал играть главенствующую роль в экономике и политике. В Египте процесс секуляризации запаздывал, и ислам определял образ жизни и стиль мышления большинства населения страны – арабов.

Различие в динамике развития двух стран, на наш взгляд, кроется еще в таком факторе, как этнический состав населения. Что касается Египта, то это практически гомогенное по составу населения государство с незначительной долей коптского меньшинства. Турцию же можно назвать полиэтническим государством, где в османский период коренное население составляло даже меньшинство, а преобладали выходцы с Балкан, которых изначально рекрутировали в султанскую гвардию. Позже они стали занимать и государственные должности, а в эпоху перемен (Танзимат) первыми восприняли западные ценности

и стали их внедрять на турецкую почву. Мир уже в XIX в. стал связан густой сетью торгово-экономических, политических, культурных отношений. Чтобы не оказаться на обочине мирового развития, отстающим в развитии странам необходимо было приспособливаться к меняющимся условиям, втягиваться в процесс интеграции между народами.

В настоящее время в контексте глобализации отношения Север - Юг (Запад-Восток) определяют ход всемирной истории. Получавший вызовы от Запада в течение XIX в. и вынужденный на них отвечать, Восток на пороге XXI в. сам бросил вызов Западу в виде гигантского рывка в развитии, и теперь Запад вынужден найти адекватный ответ.

Термин “модернизация” исследователи: политологи, историки, экономисты, философы – трактуют по-разному.

Его стали особенно активно использовать в научной литературе после Второй мировой войны в связи со сложившимся новым соотношением сил и развернувшейся деколонизацией и борьбой за выбор путей развития в освободившихся странах.

В социологии “модернизацию” понимают как переход от традиционного, сельского, аграрно-коллективного общества к светскому, городскому, индустриальному обществу (обществу индивидуумов)¹. При этимологическом подходе “модернизация” означает “осовременивание”. Современный человек с позиции современности всматривается в свое прошлое, чтобы проследить процессы, которые привели его к современному положению, и обозначает их как “модернизацию” - совокупность перемен, включающих индустриализацию, рационализацию, бюрократизацию².

Однако существуют и другие подходы. Американский ученый Д. Лернер определил модернизацию как процесс социальных изменений, при котором менее развитые общества приобретают ряд черт, характерных для более развитых обществ³.

Порыв к модернизации в его представлении является не чем иным, как ответом на вызов, брошенный Западом всему остальному (“догоняющему” его в своем развитии) миру, который шел от заимствования технических основ новой цивилизации к заимствованию все более глубоких “пластов” этой цивилизации и попыткам найти у себя, в своей ценностной традиции, ценностные и институциональные аналоги тем основам современной цивилизации, которые изначально

сформировались в специфически европейской и христианской форме⁴.

Носителями идей модернизации выступает, как правило, инициативное меньшинство – элита, а далее процесс идет через расширяющийся слой обслуживающих модернизацию военных, бюрократов, интеллигентов к более широким слоям. Однако “элиты никогда не способны сделать перемены окончательными до тех пор, пока народ не проникнется пафосом перемен, а проблематичность достижения уровня развития западных стран вызывала у населения антизападные настроения, что приводило к незавершенности реформ”⁵.

Особенностью модернизации в Турции и Египте было то, что в силу более позднего перехода к трансформации общества по сравнению с Западом модернизация в этом регионе развивалась ускоренными темпами и заняла гораздо меньший временной промежуток. Поскольку модернизация явилась своеобразным ответом на вызов Запада, В.Ф. Шаповалов предлагает рассматривать ее как вторичную (отраженную). По сравнению с модернизацией западных стран она является догоняющей, поскольку предполагает следование по тому пути, который предшественниками уже пройден⁶.

В своем развитии за указанный двухсотлетний период Турция и Египет прошли несколько этапов. Периоды стагнации и всестороннего развития сменяли друг друга на их протяжении. Динамика развития двух стран была различной. В XIX в. быстрее шло развитие Египта, получившего автономию в составе Османской империи. Правителей Египта из рода Мухаммеда Али характеризовало упорное стремление модернизировать политику, экономику, культуру. Они хотели вывести страну на уровень развития передовых стран Европы. Для достижения этой цели была ликвидирована оппозиция, которая могла помешать процессу европеизации. Были произведены реформы в области промышленности, образования, организован выпуск газет и журналов, армия была обучена по-европейски. В Турции планы реформирования страны натолкнулись на жесткое сопротивление оппозиционных сил: духовенства, армии. Реформаторам не хватило воли для проведения преобразований столь же динамично, как в Египте. Провозглашенные реформы большей частью остались нереализованными. Стагнации способствовали многочисленные войны, которые вела Османская империя с Россией и балканскими народами. Положение усугубилось в период правления Абдул Хамида, который ус-

становил зулум – режим единоличной власти и преследования инакомыслящих. Реформы практически были свернуты. В 1878 г. была отменена конституция (дарованная в 1876 г.), распущен парламент, объявлено главенство шариата. Террору подверглась европейски образованная интеллигенция. Окончание Первой мировой войны обернулось оккупацией Турции. Стамбул был занят английскими и французскими войсками. На волне народного недовольства режимом, сотрудничавшим с оккупантами, выдвинулся армейский генерал Кемаль Ататюрк, возглавивший движение за изгнание оккупантов из страны. Задача освобождения сплотила народ, и в 1923 г. была провозглашена Турецкая Республика. Наступил период активного реформирования страны.

Главное отличие кемалистской вестернизации от османской состояло в том, что их объектами были разные социально-экономические структуры. Османское общество, основанное на незыблемости исламских традиций, коренным образом отличалось от “турецкой нации”⁷ (секуляризованной в соответствии с принципом лаицизма). Кроме того, “европеизация при Танзимате (1839 - 1876) означала создание почвы для углубления колониализма, тогда как в период республики она подразумевала создание политически и экономически независимого, национального государства”⁸. В османский период модернизация предусматривала прямое копирование западного опыта, однако Кемаль Ататюрк и его сторонники приспособили западные идеи к внутренним условиям страны.

Египет на рубеже XIX - XX вв. вошел в фазу стагнации, что было связано с оккупацией англичанами в 1882 г. страны, представлявшей собой выгодный плацдарм для господства на всем Ближнем Востоке.

В годы ускоренного развития кемалистской Турции Египет оставался британским протекторатом, а потому не мог развиваться столь же динамично. Это обусловило отставание в развитии Египта от Турции в XX в. Господство англичан усилило социальное напряжение в стране, на первый план стали выходить исламские фундаменталистские организации. Период, предшествовавший революции 1952 г., характеризовался народным недовольством, чаще всего выражавшимся в забастовках. Попытки законодательным путем изменить ситуацию успехов не имели. Толчок к дальнейшему развитию положила июльская революция 1952 г., свергнувшая режим короля Фарука и объявившая суверенитет страны. В 1956 г. был национализирован

Суэцкий канал – важнейший экономический и стратегический объект страны, доходы от эксплуатации которого стали, наконец, поступать в египетскую казну. Страна под руководством Гамалы Абделя Насера стала строить социализм по модели СССР (так называемый исламский социализм), который в то время выступал ее главным экономическим партнером и союзником. За этот период Египет добился значительных успехов в экономическом развитии. При Анваре Садате, сменившем Насера, Египет встал на капиталистические рельсы, ориентируясь в своем развитии уже на западные страны.

В Турции в 50 - 70е гг. наступил некоторый спад темпов развития, что связано с политической борьбой в рамках многопартийной системы, частой сменой правительств и тремя государственными переворотами, в результате которых к власти приходила армейская верхушка. Налицо был политический хаос, на волне которого стали поднимать голову исламисты, выступавшие против западной модели развития.

С начала 80-х гг. в Турции начался новый виток преобразований. До 80-х гг. как такового гражданского общества в Турции не существовало, лишь после переворота 12 сентября 1980 г. и прихода к власти Партии Отечества во главе с Тургутом Озалом построение в стране гражданского общества явилось главной стратегией модернизации, что было и одним из условий вступления в Евросоюз. Девяностые годы ознаменовались дальнейшим прогрессом в деле построения правового государства: отменена смертная казнь, расширены демократические права населения, уменьшилось количество политзаключенных, средства массовой информации получили свободу действия. Однако экономическое развитие страны оказалось нестабильным. В 90-е гг. Турцию поразили ряд тяжелых финансовых кризисов повлекших за собой инфляцию.

В 80 - 90е гг. Египет продолжал свое развитие. Уже Анваром Садатом (1970 - 1981) была заложена многопартийность. При Хосни Мубараке, пришедшем к власти после смерти Садата, наблюдалось дальнейшее оживление внутривнутриполитической жизни. В 90-е гг. основным направлением реформ стали ускоренное развитие рыночных отношений и разгосударствление промышленных и сельскохозяйственных объектов, поощрение конкуренции между частным капиталом и госсектором. Однако реформы не привели к какому-либо значительному изменению ситуации.

Тогда же, в 80-е гг., наступила эпоха глобализации, характеризующаяся тесными связями между странами во всех областях жизнедеятельности. Массовое распространение персональных компьютеров, создание системы INTERNET – все это радикально изменило технологии производства, распространение и потребление товаров и услуг, труд, жизнь, быт сотен миллионов людей⁹. Турция и Египет включились в этот процесс. Однако механизм (и уровень) их вхождения в него были различны.

Турция уже превратилась в индустриально-аграрную страну. У нее были прочно налажены экономические связи как с западным миром, так и с соседними государствами. В стране получила распространение микроэлектроника. Как пишет Д.И. Вдовиченко, уже Тургут Озал пользовался персональным компьютером¹⁰. Большое внимание уделялось подготовке специалистов, функционирующая система образования отвечала требованиям времени.

Египет же много лет провел в экономической блокаде, устроенной соседними арабскими государствами в ответ на налаживание отношений с Израилем. Ему фактически заново пришлось налаживать рыночные связи. В системе образования по-прежнему преобладали нормы ислама. Изучение религиозных дисциплин включали в образовательные программы. Отсутствовала характеризующая состояние развития общества бытовая техника.

Таким образом, сопоставление развития двух некогда ключевых стран Средиземноморского региона дает основание говорить о нестабильности их развития. Несмотря на то, что в сравнении с положением в XIX в. и Турция и Египет ушли далеко вперед, пропасть между ними и развитыми Европейскими странами лишь выросла. Можно лишь заключить, что несколько дальше в развитии ушла Турция, в силу того, что встала она путь самостоятельного развития на несколько десятилетий раньше Египта.

➤ Примечания

¹ The New Encyclopedia Britannica. Micropedia. Vol. 8. 15th ed. Chicago, 1994. P. 216.

² Тодорова М.Н. Европеизация Османской империи // Народы Азии и Африки. 1977. № 2. С. 205.

³ Малыгин С.В. Экономика и социальное развитие Индии и Пакистана в период независимости. М., 1992. С. 18.

⁴ Микульский Д.В. Ислам и модернизация мусульманских обществ // Вопросы философии. 1993. № 12. С. 16.

⁵ Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995. С. 130.

⁶ Шаповалов В.Ф. Философия: от классики к современности. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1998. С. 448.

⁷ Киреев Н.Г. Секуляризм и национализм – два идеологических кита модернизации Турции // Турция. Современные проблемы экономики и политики. М., 1997. С. 9.

⁸ Там же.

⁹ См.: Фридман Л.А. Процесс глобализации и его воздействие на развитые и развивающиеся страны. М., 1999.

¹⁰ Вдовиченко Д.И. Тургут Озал // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 61.

Содержание

<i>Г.Н. Канинская</i> 3	
Экологический след в политической культуре современной Франции	3
<i>Е.Г. Михайловский</i>	
Франко-прусская война 1870 г. и падение Второй империи во Франции.....	13
<i>О.Д. Куликова</i>	
Французская пресса в 1944 - 1947 гг. и ее роль в послевоенной жизни	21
<i>Т.М. Гавристова</i>	
Искусство "Африканского зарубежья": реальность и барьеры восприятия	26
<i>С.Ю. Торопова</i>	
Британские либералы в первой половине 1890-х гг.: деятельность правительств В. Гладстона и А. Розбери	36
<i>И.И. Абрамова</i>	
Историческая мысль в эпоху Просвещения: воспитание историей.....	53
<i>Д.В. Брункевич</i>	
Британский евроскептицизм	58
<i>А.М. Лоханин</i>	
Американское оборонное сообщество и ракетные угрозы в АТР: положение и перспективы.....	65
<i>Т.А. Федорова</i>	
Индийский бизнес и политика несотрудничества в 1918 - 1922 гг. (на примере г. Бомбей).....	69
<i>Д.А. Савин</i>	
Модернизация в странах Востока (постановка проблемы)..	75

Проблемы новой и новейшей истории

Выпуск 5

Сборник научных трудов

Редактор, корректор В.Н. Чулкова
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 15.11.03. Формат 60х84/16.
Бумага тип. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,9. Уч.-изд. л. 4,5. Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета.

Ярославский государственный университет
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.

Отпечатано
Издательство «Ремдер»
Ярославль, ул. Свободы, 91, оф. 33.